

An aerial photograph of a wide city street, likely in Paris, during the "golden hour" of sunset. The street is filled with cars and a bus, with their headlights and taillights glowing. The sky is a mix of orange, pink, and light blue. In the background, a dense urban landscape transitions into a modern skyline with several skyscrapers. The overall atmosphere is one of a busy city at the end of the day.

Сананция 2.0

Алиса Гурбанов

18+

Алиса Гурбанов Сананчия 2.0

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68742189

SelfPub; 2023

Аннотация

Всё не то, чем кажется поначалу. По большому счету мы всего лишь винтики в системе.

Содержание

Глава 1 Отрицательно заряженные частицы	4
Глава 2 Хищники и Жертвы	17
Глава 3 Министерство	31
Глава 4 Грамилль – столица мира	42
Глава 5 Шум фонтанов	55
Глава 6 Обратная сторона	70
Глава 7 Exterminate	83
Эпилог	100

Алиса Гурбанов

Сананчия 2.0

Глава 1 Отрицательно заряженные частицы

I

Неприметный одноэтажный дом стоял не прямо у обочины национальный трассы, пролегающей через небольшой городок, а в метрах ста от него. Это был первый жилой дом города Ив для тех кто ехал с юга на север по направлению к столице. Чтобы подъехать к главному входу сначала надо было свернуть с трассы направо, подняться немного в гору, а затем на первом повороте снова повернуть направо.

Свисающая до половины окна хлопковая шторка еле заметно колыхалась, пропуская яркие утренние лучи майского солнца. Прошло пару минут прежде, чем Матильда осознала, где находится. Тяжелая кожа вокруг глаз пульсировала, нос был заполнен кислым запахом постельного белья. При-

подняв голову Матильда вытащила из-под себя онемевшую правую руку. Голова кружилась, ее сильно подташнивало.

Слева от старой входной двери висело небольшое зеркало, диаметром около двадцати шести сантиметров, из которого чужое измученное выражение лица посмотрело на Матильду. Остатки туши собрались в черные катушки, мешки с застоявшимися слезами висели над глазами, кожа вокруг носа шелушилась и лезла. Она попыталась отодрать прилипшие к лицу волосы, но лишь в нескольких местах разодрала кожу. Спустя пару секунд Матильда силой толкнула темно-зеленую деревянную дверь предварительно сняв ее с петель.

Воздух на улице был свеж и полон звуками летающих жуков, жужжанием не до конца проснувшихся навозных мух, шуршанием вялых муравьёв на влажной земле. Матильда оступилась о единственную ступеньку и еле удержала равновесие, когда обратила внимание на свои кроссовки с засохшими темными пятнами. На правой коленке синих джин красовалась огромная дыра, из которой непослушно выглядывало разодранное колено. Она посмотрела на свои руки и ужаснулась.

«В будущую субботу сосед должен прийти и отремонтировать туалет, а пока ты можешь ходить в уличный. Он в конце сада. – голос хозяйки дома возник в голове Матильды. – Душа кстати нет, как и воды на кухне, так что умываться утром придется из крана, что торчит под яблоней».

Дом и туалет в конце сада соединяла самодельная дорож-

ка из найденных в чужих садах кирпичей. Дрожа от головной боли, не верующая в бога Матильда справила нужду в деревянном туалете, молясь и тайком поглядывая на затаившихся под крышей пауков. Они следили за каждым ее движением, незаметно раскачивая разбросанные повсюду паутины-ловушки.

Ледяной водой Матильда смыла с лица засохшие слезы, грязь и остатки косметики, промыла уши. Местами покусанная мочалка, которой Матильда усиленно терла руки, исцарапала подушечки пальцев и содрала заусенцы. Она убрала мокрые волосы назад, заправив спадающие передние пряди за уши. Алые, некогда белые, кроссовки превратились в розовые.

Вернувшись в комнату, Матильда взяла сумку и телефон, оставив на тумбочке пару смятых купюр. Она уже нажала на педаль и сдала назад, когда почувствовала что-то под колесами. Машина явно что-то переехала, слегка толкнув ворота, но за закрытыми окнами не было слышно и звука. Матильда приоткрыла дверь, посмотрела вниз. Ничего. Она снова нажала на кнопку старт и мотор взревел в мгновении ока. Грязь из-под колес разлетелась, оставив неряшливые следы сначала на калитке, потом на лопате. Лопата, что осталась лежать у ворот, поблескивала на солнце бордовыми бликами засохшей крови.

II

Покидая снятую на одну ночь комнату, Матильда по своей собственной ей растерянности оставила там свою порванную кожаную куртку. Зарядка для телефона осталась лежать незамеченной под прикроватным столиком, а холодные так и не отошедшие от крови кроссовки грелись теперь под полуденным солнцем на крыльце.

Ее мокрые и холодные ступни методично переходили с тормоза на газ, не соскальзывая и не прилипая. «Узнай это Роберт, он был бы недоволен. Да, он заставил бы меня притормозить, а потом еще три часа читал бы нотации», Матильда улыбнулась, доставая телефон из сумки. Абонент не брал трубку.

Она ехала на север уже больше часа, меняя автотрассы на национальные дороги и обратно – так как ее учил Роберт. «Это может быть опасно, ты должна быть предусмотрительной, Матильда» – уроки были заучены и отлетали на зубок. Но за все время пути Матильда не встретила ни одну машину. Ни одного велосипедиста, ни одного дальнобойщика, везущего мясо, не натуральные овощи или нелегалов в своем морозильнике. Ни одной наблюдательной мысли, ни одного сомнения, ни нотки подозрительности не возникло в ее голове.

На пятый раз кто-то взял трубку, но она не разобрала голоса. Текстовое сообщение пришло следом: Подъезжай в министерство. Запасной вход на холме. Я буду ждать тебя там.

«Какая же сегодня хорошая, свободная трасса», подумала Матильда, бросив телефон на сиденье. В десять часов одиннадцать минут она въехала в столицу направляясь в центр. Мимо пролетали стены домов с рекламными плакатами: *«Измени свои ДНК: стань сильнее и лучше. Возродим нацию вместе»*, *«Проект Сананция: Будь добровольцем, спаси планету!»*.

У некоторых многоэтажных домов люди в спешке грузили чемоданы, но Матильда не придавала этому значения. Через несколько километров она съехала на мостовую. Солнце светило ярче обычного. Не отвлекаясь от дороги, Матильда достала из бардачка солнцезащитные очки. «И ничего не учудила! – радость вспыхнула в ее сердце, снимая головную боль. – Роберт гордился бы моим вождением».

До нужного поворота оставалось около двести метров, когда на дорогу выскочила пара подростков. С неподдельным ужасом они бежали в противоположную от реки сторону. Правая рука у девушки с огненно-рыжими бровями отсутствовала, вторая отчаянно пыталась ухватить рукав подруги. Потные ступни Матильды соскользнули с тормоза, и она, вывернув руль направо, нажала по ошибке на газ. Она попыталась исправить положение, но было поздно. Машина вылетела из перекрестка ровно по диагонали. От удара ее припод-

няло. Она ударилась сначала о крышу, о левое окно, и только потом сработала подушка безопасности. Матильду охватил приступ истерического смеха, словно рассудок покинул ее через разбитое пассажирское окно, а потом она потеряла сознание.

III

Когда утренние постоянные клиенты Кристофа уже разошлись, а туристы желающие выпить кофе перед посещением достопримечательностей еще не проснулись, на одном из перекрестков столицы было как всегда спокойно. На набережной через дорогу гремели букинисты, не торопясь открывая зеленые шкафы. Опаздывающие сотрудники изредка сигналили, пытаясь обогнать друг друга и проскользнуть на желтый цвет. День обещал быть самым обычным, ну разве, что немного теплее для сезона и немного солнечнее для этого региона.

Кристоф тщательно протер столы, сложил монеты в монетодержатель, обвел глазами небольшой парк напротив. Каждое утро там собирались собачники, пенсионеры, малыши из ближайших домов и их няни. Софи, хозяйка газетной лавки, помахала ему рукой в знак приветствия, и он знал, что через десять минут она обязательно придет выпить чашечку кофе.

Кристоф любил этот парк.

Пара сбежавших с уроков подростков стояла на светофоре и что-то активно обсуждала. Улыбка на лице одной из них сменяла удивление, заставляя двигаться в такт огненно-рыжие брови. «Наверное обсуждают новый проект Сананчия», подумал Кристоф, наблюдая за ними. Загорелся зеленый свет и на девушек неожиданно налетел человек, задумавшийся во все пробежки больше обычного.

А пока Кристоф снова поправил стулья, очистил пепельницы и протер свои очки. Солнце отражалось от окон домов и Софи выйдя из своего газетного киоска стала раскрывать навес. Кофта с коротким рукавом поднялась наверх, обнажив небольшой животик, торчащий из-под льняной юбки.

Кристоф начал работать в этом кафе сразу после возвращения из службы по охране стены. Он записался в новую программу по профессиональной ориентации и был отправлен за счет государства на вечерние курсы для взрослых. После войны ничего человеческого уже не привлекало Кристофа – он оставил всё на поле боя, закапывая трупы детей и женщин в общей могиле. По приезду он хотел только одного: найти спокойную работу и приносить, по возможности, людям счастье. «Так это уже две цели!», всегда подшучивал над ним его сосед по квартире. Спустя пару лет, когда хозяин ресторана захочет уйти на пенсию, прилежный и ответственный Кристоф возьмёт в банке кредит, и выкупит этот старинный угловой ресторан напротив набережной и неболь-

шого парка.

Колокол собора пробил десять тридцать, когда раздался сильный хлопок, и землю затрясло как в помещении над станцией метро. Еще через несколько секунд включился звук городской сирены. Он раздался как раз в тот момент, когда повар нажал на колокольчик, оповещающий о готовности блюда. В первый раз Кристоф услышал этот звук, когда, будучи глупым и безрассудными, отправился на южную стену защищать страну. Он вспомнил его и тут же вбежал в помещение. Несколько клиентов забежали за ним, оставляя свои вещи на столиках. Послышались звуки вертолетов.

– Крис, что это? К нам идет великан? – сын Софи из газетной лавки в страхе держался за черный фартук Кристофа.

– Спускайтесь все вниз! – кричал Кристоф, указывая на лестницу – Туда, где туалет, справа от кухни! Быстро! – закричал он, закрыв глаза лишь на мгновение.

IV

Издали доносились звуки автоматной очереди, работали сирены скорой помощи, но никого не было рядом. Невидимая волна прокатилась по кварталу и забрала все живое на своем пути. Голова уже не болела, но была густой и тяжелой как после нечаянного многочасового сна, что случает-

ся иногда после обеда. Сообщение из радиоприемника, уведомляло о введении чрезвычайного положения и запрещало выходить на улицу. Что-то потекло по ее шее, и она почувствовала, как теплая струя спускается по спине. Затылок пульсировал.

Матильда огляделась. На месте парка теперь была огромная воронка. Справа от машины лежала перевернутая детская коляска. На месте газетной лавки стояла лишь правая часть каркаса, волшебным образом спасшая ей жизнь, стиснув на пару с фонарным столбом ее машину. От лавки в целом осталось лишь нечто вроде бугорка, прибитого к земле и покрывавшего теперь газеты, журналы и ее хозяйку.

Матильда попыталась сосредоточиться, но у нее слабо получалось. Она помнила, что ей необходимо добраться до Министерства, которое находится немного севернее, у холма. На телефоне не осталось зарядки, а значит картами воспользоваться не удастся. "Ты должна постоянно быть на шаг впереди, Матильда» зазвучали из радио наставления Роберта. «Найти другую карту», сообразила Матильда, озираясь по сторонам.

По всей террасе ресторана и даже на тротуаре были разбросаны плетеные стулья, металлические столы на одной ножке, чьи-то вещи и посуда. Матильда отодвинула уже четыре стула, когда она увидела мужчину в необъяснимо-изогнутой позе. Его лицо смотрело на нее, в то время как корпус был повернут в другую сторону. Он стоял на коленях,

грудь касалась пола. Тонкие кисти упирались в пол, где пальцы держали невидимое яблоко. Еще живой мозг мужчины, услышав чьи-то шаги, отправил последний сигнал своему телу, и голова открыла левый глаз.

От ужаса Матильда вскрикнула, закрыв глаза обеими руками, но задела рану на губе и еще сильнее закричала.

Рядом с женщиной лежал золотистый бейджик с именем Кристоф, а вокруг него валялись разбросанные десяти и двадцатицентовые монеты.

V

Дрожь все еще не отпускала, но Матильда была все время начеку. Она ногтями сдавливала и царапала подушечки пальцев, чтобы понимать, что не спит. Ей страшно хотелось пить.словно раненый солдат, она шла за уходящей пехотной артиллерией, которая, двигаясь вперед, оставляла после себя только разрушенный город и запах гари.

Зрение после аварии еще полностью не восстановилось, но разглядев знакомый логотип городской сети супермаркетов, Матильда, не раздумывая направилась к нему. Неожиданно ее сердце начало учащенно забиться, мозг попытался ухватить ускользающую нить происходящего, но тщетно. Ей пришлось приблизиться слишком близко, чтобы понять, что

из уличной урны торчат вовсе не багеты. И что прозрачный пакет внутри металлического каркаса полон не отходами, а сложенными вдвое как летние коляски – человеческими трупами. Не успела она отвести глаза как огромная волна подкатила и ее стошнило прямо на асфальт.

«Вот так они нас дураят», Матильда услышала голос Роберта, проходя мимо туристического квартала с магазинами одежды. «Они хотят, чтобы мы думали, что у нас есть выбор. Но этот не так! Марки вещей для бедных и для богатых принадлежат одной компании или даже одному человеку. Они думают, что мы дураки! Но нет, мы знаем, что дешевая одежда ничем не отличается от дорогой. Это вес один и тот же полиэстер!». Матильда с грустью отвела взгляд и посмотрела на здание музея с рекламными плакатами. «И эти продались», голос Роберта затрещал снова в ее голове. «Боже, не сейчас, Роберт», вырвалось у Матильды, и она машинально сдавила подушечки указательных пальцев. Пару раз она слышала выстрелы и один раз даже женские крики, но в такие моменты Матильда пряталась за машинами или ложилась на асфальт, притворяясь мертвой. В подъезды и в дома она не заходила, ее пугала их тишина.

До Министерства оставалось еще пара кварталов, когда неожиданно раздались звуки знакомой мелодии, и в первую долю секунду Матильда подпела в такт. Но звук стремительно увеличивался и когда она наконец сообразила в чем де-

ло, мелодия уже расходилась по всей улице, отдаваясь в каждом разбитом стекле ближайших домов и припаркованных машин. Матильда вытащила телефон и нажала на сброс. Не разгибаясь, она прошла вдоль нескольких машин и присела у одной из колес городской мусорной машины.

Батарея показывала два процента. Она нажала на пропущенный.

– Ало Матильда, – послышалось в телефонной трубке – у тебя все хорошо?

– Все хорошо,

– Нам соседи сказали, что в столице был теракт. Где был теракт, не знаешь?

– Не знаю.

– ...Если хочешь приезжай. Я встречу тебя.

– угу – тяжело дыша ответила Матильда,

– По телевизору ничего не говорят о происшествиях, крутят только региональные новости. Я вот подумал, позвоню тебе, может ты знаешь, в чем дело? – возникла пауза – Ну и заодно думаю узнаю, как у тебя дела? – замялся знакомый мужской голос в телефонной трубке.

– Все хорошо. Батарея садится.

– хорошо, хорошо, бере....

Вдруг нечто странное образовалось в нижней части груди, задрожало и подскочило вверх словно ртутный столбик в старинном термометре. Матильде захотелось порвать свою грудную клетку, и, открыв ребра одним движением, выта-

щить тот клубок ненависти и ярости, что метался во все стороны, ударяясь о стены замкнутого пространства. Прошлое Матильды пролезло сквозь телефон и повисло у нее на шее. Она глубоко вздохнула, подавляя набирающую обороты истерику.

Глава 2 Хищники и Жертвы

VI

Стоя на коленях в прихожей в недавно купленной им квартире, Абель не думал о том, как это могло с ним произойти, или почему он раньше не предвидел этого – они ведь были женаты почти двадцать лет. Он мучился только одним единственным вопросом: «Как же долго она этого желала, раз набросилась на меня с такой жадностью?». Он украдкой посмотрел на нее и ему стало обидно.

Еще вчера они встречались в уютном ресторане в присутствии юристов, а сегодня утром она позвонила предложила встретиться у него дома, и у него не возникло никаких подозрений. «Может она хочет прийти к соглашению», подумал он, давая ей свой новый адрес. «Может мы сможем договориться и домик в Альпах достанется мне». Сегодня утром Абель ничего не предполагал и многого не ждал. Он сходил в душ, одел свою любимую синюю рубашку и вынес мусор.

«Черт возьми, как же больно», подумал Абель Бертран и вернулся в реальность.

Его жена сидела на полу напротив него, облокотившись

спиной о настенное зеркало в позолоченной оправе. Розамунд, глубоко дыша, смотрела на свои руки. Красные пальцы пахли железом, шесть ногтей из десяти были сломаны. Мизинец посинел, увеличившись в два раза. Она облизнула свою нижнюю губу, медленно улыбнулась и ещё медленнее подняла на него свои блестящие глаза.

Она накинулась на него с порога, вцепившись своим новым маникюром ему в предплечья. От неожиданности и шока Абель потерял дар речи и, замерев, просто наблюдал. Сначала Розамунд откусила кусок его правого уха, и по квартире разнесся звук ломающихся хрящей. Затем она принялась отрывать его щеки. Она с жадностью слизывала кровь, стекающую по остаткам его лица и шеи. Она смаковала и причмокивала. Наслаждаясь, она обгладывала его голову, оставляя некоторые места на потом. За все это время Абель не произнес ни звука. В отрешённом взгляде его синих глаз кричал ужас всей вселенной.

– Сколько интересно времени прошло? Наверное, часа полтора. – Абель чувствовал, что шея подводит его, но из-за всех сил старался не поднимать голову. Он стоял на коленях больше двух часов. «Может приподнять голову и посмотреть? Давай, Абель, ты сможешь, только не смотри в зеркало, только не трогай свое лицо. Господи, а что же осталось от моего лица? От моей головы? Наверное, она съела все что у меня было: уверенность, ум, голос, способность трезво размышлять. Не могу поверить, что все эти годы она

вынашивала этот план! Но что же осталось от моей головы?»

Вены на сухих, но сильных мужских кистях вздулись, образуя в некоторых местах пульсирующие шарики. Кровь капала на пол, стекая по щекам или по тому, что от них осталось.

«Не смотри на нее! Не смотри в зеркало! Она специально села напротив. Она хочет, чтобы ты умер от сердечного приступа или если не умер, то навсегда потерял дар речи! А может она хочет сделать с тобой то, что делали монахи с церковными мальчиками?», Абель поднял глаза.

Пышные, но тонкие волосы Розамунд небрежно лежали на её плечах. Кашемировый свитер цвета хаки отражал манящую красоту её зелёных глаз. От лиловой помады на верхней губе остался лишь контур и это делало ее ещё более привлекательной.

«Господи, как ты можешь смотреть на её красоту?! Очнись, кретин, посмотри на её сущность!».

Она улыбнулась ещё раз, будто уловила ход его мыслей. Она почти всегда знала о чем он думает.

«Я не буду вестись на ее уловки. Пусть уже лучше она меня съест, чем безголосый и глухой остаток моей личности станет её рабом». Он набрался сил и посмотрел в отражение в зеркале.

Сначала послышалось жужжание и легкий мотив знакомой песни. Свет с прикроватного столика ворвался в темно-

ту глубокой ночи, осветив ночную лампу.

– Да, алло.

– ...Хм...Алло.....господин Министр?

Сквозь пелену сонных глаз Абель плавно повернул голову направо. Розамунд мирно посапывала, закинув руки выше головы.

– Да, Бернар. Что случилось? – Ночная рубашка и брюки были мокрые насквозь. В комнате стоял запах переваренного алкоголя, пота и ночных кошмаров.

– У нас чрезвычайное происшествие. Необходимо, чтобы вы...хм, ваше присутствие, господин Министр.

– Но сейчас – Абель посмотрел на светящиеся красные цифры – сейчас четыре тридцать утра! В чем дело, Бернар?

– ...ничего...хм, но это, как я уже сказал, у нас чрезвычайное положение, и оно требует вашего присутствия. ...я уже связался с остальными. Дело в том, что мне звонили из Луз.

– Из Луз? – переспорил Абель, понимая, что сон покидает его безвозвратно.

– Да, именно. За час до полуночи произошел инцидент, и есть большая вероятность, что сегодня утром....

– Я понял – оборвал разговор Министр и повесил трубку.

Министр Обороны Абель Бертран был мужчиной среднего роста и среднего возраста, как сказали о нем однажды в местной газете. Будущий тесть считал Абеля перспективным, но немного неотесанным. Ум и управленческие спо-

способности перекрывали отсутствие харизмы и притягательной внешности.

– Розамунд, проснись, Розамунд.

Она, не открывая глаза, попыталась повернуться на другой бок.

– Розамунд, это срочно.

– Ну что тебе?!

– Я так и знал, что ты не спишь

– Уснешь тут. – она открыла глаза и тяжело посмотрела на мужа.

– Нет времени, Розамунд. – он сжал кулаки. – Собери необходимые вещи, к 5.30 утра приедет машина за тобой и детьми. Возьми вещи потеплее, я не знаю куда вас отвезут.

– Давай утром. – она закрыла глаза прежде, чем он успел договорить.

– Розамунд!

VII

Служебная машина стояла у ворот трехэтажного дома ровно в пять тридцать утра. Абель уже обувался, когда услышал стук невысоких каблучков.

– Девочки, вы меня слышите?! – воскликнула Розамунд на полпути в зал.

– Что ты делаешь?! – нервно зашептал Министр. – Ваша машина еще не подъехала, пусть поспят.

Не обращая внимания на мужа, Розамунд, вошла в зал и наклонившись над старшей дочерью произнесла:

– Дорогая, проснись. – она несколько раз потрясла ее за правое плечо. – Когда ваш водитель приедет, он постучит в дверь. Покажешь ему чемодан и два рюкзака.

– Мам?! – зеленые, такие же, как и у матери, глаза нехотя оторвались от просмотра утреннего сна.

– Что мам?! Слушай внимательно. Закрой дверь на ключ и поезжайте с ним. Теперь ты заглавную.

– А ты куда, мам? – старшая дочь, силой протирала глаза. – Я думала мы поедем вместе.

– У нас папой очень важные дела. Мы приедем позже. – Розамунд еще раз дотронулась до плеча дочери и нарочито медленно добавила: Ты за старшую. помни!

– Что ты несешь! Куда ты-то собралась?

– Мы едем вместе и это не обсуждается. – Розамунд открыла входную дверь и вышла прочь.

Темно-синяя бронированная машина бесшумно скользила по мокрому асфальту в пригороде Грамиля. В некоторых домах уже горел свет. Пожилая женщина разносила газеты, складывая их аккуратно в почтовые ящики. Сонные деревья беззвучно и умиротворенно готовились к утру. Редкий прохожий, страдающий бессонницей, выгуливал собаку и, рас-

познав в окне машины соседа Абеля, по-дружески кивнул ему головой. Абель смотрел на спящий городок, но не замечал его.

Дуэт Эллы Фитджеральд и Луи Армстронга доносился из колонок, заполняя сумеречное пространство машины, и вызывая давно исчезнувшие воспоминания. Абель повернул голову и посмотрел на жену. Он смотрел на ее аккуратно собранные волосы, на золотое кольцо на ее тонкой шее, на губы покрытие бледно-розовой помадой. Она была обворожительна даже спустя двадцать лет.

– Убери эту приторную музыку, пожалуйста, Гари. – прохрипела Розамунд. – Джаз в 5 утра? В самом деле? – она чувствовала, что Абель снова рассматривает ее. Он стал делать это все чаще и чаще, и это стало ее изрядно доставать. – Сколько нам ехать?

– Минут сорок Мадам, на набережной авария и я решил поехать в объезд. – ответил водитель, мельком взглянув на Розамунд через зеркало заднего вида.

Водитель Гарри работал на Министра Обороны уже более десяти лет. Сегодня утром он почувствовал взволнованное настроение своего шефа и поэтому поставил его любимое радио Смус фм, где крутили джаз. Гарри всегда сочувствовал Министру. По его мнению, Министр был несчастлив из-за неудачного брака. Вот он бы никогда не женился на такой как Розамунд. «Ну и что» – думал Гарри, разглядывая

в стекле заднего вида ложбинку в глубоком декольте Розамунд. «Ну и что, что моя Люси иногда истерит и набрала пару тройку килограммов, зато она слушается меня и не выделяется на людях, показывая всем, что я не прав».

«Как вообще Министр может быть не прав?!, – возмутился Гарри за семейным столом в порывах нравоучительных лекций. – Она хочет сказать, что это она главная? Но он ведь министр, он руководит страной, а кто она? Просто женщина. Мальчики мои, все эти женщины

«Не при детях Гарри», – воскликнула раскрасневшаяся Люси.

– Да господи, как будто они не знают матов! – махнул он рукой, – Мальчики, жена нашего глубокоуважаемого Министра – вот вам пример на каких женщинах жениться не стоит!»

– Все слушайте отца, – поддакнула Люси, получившая стой редкий комплимент от мужа. Она не осознано погладила своими сухими пальцами по серому платью и горделиво заулыбалась.

VIII

Министр Обороны продолжал смотреть сквозь стекло на просыпающуюся столицу, но не замечал ее.

Что же могло случиться раз Бернар вызвал меня в 4 утра. В последний раз он звонил мне ночью четыре года назад. Тогда кажется были столкновения на стене... А в этот раз он сказал город Луз... А значит проект Сананчия. Так, – где-то глубоко в своей голове Абель догадывался, что произошло, но высокие стены отрицания не позволяли увидеть реальность. – Кто же допустил ошибку? Лично я сделал все правильно – успокаивал он себя.

«А может это саботаж, восстание, революция?» – предположил Абель и тут же оказался в прошлом.

Он находился в одном из кабинетов Правительства, где семь лет назад проходил тендер на постройку нового здания Министерства.

– Вы же понимаете, что никто не должен догадываться над чем мы работаем сейчас. – воскликнул, стоявший у огромного круглого стола весь вспотевший Абель Бертран.

– Конечно, господин Министр, понимаем. Не дураки же, в самом деле. – слышались оскорбленные голоса.

– Тогда, какого черта вы в своём большинстве голосуете за проект Новый Горизонт и его футуристический стиль здания. Люди не должны догадываться насколько далеко мы ушли в своих разработках и экспериментах. А вы хотите, чтобы наше здание выглядело как величайшее достижение всего человечества, как прыжок интеллекта, как...! – Он остановился, чтобы найти сравнение, но не найдя пример,

продолжил. – Мы должны показывать населению, что мы идём в ногу со временем, но не бежим, не опережаем его. Я имею в виду, что им надо показать, что мы бы и рады изобрести лекарство от рака, но пока нам до него далеко.

– Совершенно верно! – поддержал его Главный врач страны Леопольд Мазамбили. Его маленькие, словно бусинки, черные глаза сверлили по очереди всех сидящих за столом. – Вы же понимаете, что будет если, люди узнают, что от девяносто процентов болезней уже есть лекарства. Люди будут жить. Жить долго. И все будут здоровыми?! Вы этого хотите? – не унимался Леопольд Мазамбили.

– Полно же, коллега, не стоит выходить из себя. Это всего лишь утверждение проекта строительства, а так у нас у всех общие цели. – сказал мягко Председатель центрального банка.

Главный врач нервно поправил на животе белую рубашку, пуговицы которой пытались вырваться на свободу, но ничего не ответил.

Семь лет назад, поздним вечером на закрытом тендере на постройку нового здания Министерства присутствовали Министр Обороны Абель Бертран, Главный врач страны Леопольд Мазамбили, Первый Агроном Люка Пи, Председатель Банка Филлип Уро и начальник Управления по замечанию следов и очистке репутации. Плюс еще человек 10, в числе которых были заместители, помощники, советники.

– И так, – начал снова Министр обороны. – Вы должны помнить, что никто не должен ни о чем знать, и уже тем более догадываться. Хватит и того, что в прошлом году одна газетенка в Мадале опубликовала статью, в которой говорилось, что популярность вегетарианства спланирована. Ума не приложу как такое могло произойти. Она осмелилась утверждать, что вегетарианство ничто иное как политический заговор против населения планеты.

– Но самое ужасное, – подхватил Первый Агроном. – что никто из этих жалких сотрудников этой жалкой газетенки в Мадале, не задумался, что это все для спасения человечества! Мы спасаем планету от перенаселения! – воспользовался он моментом, чтобы упомянуть о своих достижениях. – Мы уже начали давать коровам корм, который вызывает у людей аллергию и другие кожные проявления. Люди скоро сами откажутся от мяса и перейдут на заменители!

– Да, Люка, да. Все знают достижения вашей отрасли. И ваши лично! – сказал Главный врач, глядя в жаждающие признания глаза. – А что на счет самого скандала в Мадале... вы его замяли? – он перевел взгляд на начальника Управления по заметанию следов и очистке репутации. Человек в темно-синем костюме молча кивнул головой.

– Да, слава Богу, статья не попала в сеть. Хвала странам третьего мира и их никчемному интернету! – Люка Пи с переполняющей его гордостью завел за голову руки, сцепив их на затылке.

Все сидящие вокруг широко заулыбались и закивали головами.

– Прошу о главном, – заерзал на стуле Абель Бертран. – быстрее разберемся с этим тендером, быстрее пойдем по домам. У нас на повестке еще Проект Сананчия. Так касательно проекта здания. У нас три варианта....

Всё это время, в зале заседаний, в плохо освещенном углу возле секретного выхода, сидел молодой парень лет двадцати восьми. Густые выющиеся волосы были убраны назад. Его миловидная и местами даже детская внешность порой вводила в заблуждение.

– У меня есть предложение. – сказал Марк Руссо, подойдя к овальному столу из массивного дерева. – Если позволите, – он поднял глаза на Министра и не встретив отказа продолжил. – Я предлагаю объединить проекты Новый Горизонт и Линкольн. Все верхние этажи, а также бункер, можно сделать в современном стиле используя все достижения инженерии и новых технологий. Тем временем нижние этажи Министерства, те, которые открыты для населения, будут скромные, как и все остальные здания в этом городе.

– А вы, собственно, кто? – спросил Главный врач, глядя из-под очков в слоновой оправе.

– Он со мной, – сухо ответил человек в темно-синем костюме. – Он в этом разбирается.

Этот низкорослый человек в темно-синем костюме был

начальником Управлению по заметанию следов и очистке репутации. Присутствующие знали, а особенно Министр Обороны, что обязаны этому Управлению многим, но не проявляли желания это признавать.

Леопольд Мазамбили еще раз посмотрел на молодого парня, предложившего объединить проекты и сомнительно сжал губы.

– Неплохое предложение, – ответил Председатель банка, вертя в руках черную ручку – Если мы объединим эти проекты, то затрат будет меньше – Он всегда вращал предметы, когда вел подсчеты. – Так, так... Мы сможем сэкономить на фасаде и горожане, смотря на здание Министерство, будут нам сочувствовать. Все в выигрыше.

– Скажете тоже – сочувствовать. Они спят и видят, как бы нас повесить верх ногами. Но не в этом суть. А что делать с бункером...

– Хорошо, объединяйте – резко перебил Главного врача Министр Обороны. – Марк, не позднее, чем через 5 дней я жду на подпись план строительства.

В это время к Абелью подошел заместитель и протянул записку, оповещающую о прибытии его жены.

– Да, и, – сердце Министра учащенно забилося, на лбу появились капли пота, – Укажите в решении, что компания, выигравшая сегодняшней тендер – Светлый дом. – Он многозначительно умолк, доставая из правового кармана пиджака мятый носовой платок.

Пару человек еле удержались от смешка, и с сочувствием посмотрели на Министра Обороны. Все знали, что строительная компания Светлый дом принадлежит его жене – Мадам Розамунд Кавински Бертран.

Глава 3 Министерство

IX

Матильда уже сделала несколько шагов в сторону прячущихся за фонтаном людей, когда заметила выгравированную надпись над колоннами серого здания – Министерство Обороны. Не раздумывая, уверенной походкой она вошла в здание.

Светлый старинный вестибюль, всегда шумный и полный серьезных людей, сегодня выглядел пугающе пустым. Без людей, выцветшие темно-коричневые ковры, выглядели старо и одиноко. Искусственные цветы на высоких ножках в больших фарфоровых горшках удивлённо смотрели на неожиданную гостью. Повернув в первый попавшийся коридор, Матильда увидела перед собой совершенно не подходящий к интерьеру лифт. Она, не думая, вошла в кабину и нажала на мигающую зеленую кнопку. Прозрачный, полностью стеклянный лифт спустил ее на цокольный этаж. Еще в лифте ей позвонила какая-то женщина и сказала, что ждет ее внизу у такого-то стола и такая-то ее фамилия.

Зал цокольного этажа, в котором оказалась Матильда, с

двух сторон был окружен кабинетами со стеклянными стенами и деревянными дверьми. Офис открытого типа располагался посередине, создавая впечатление работы нескольких отделов. Матильда стала ходить по залу в поисках нужного стола, однако присутствующие сотрудницы не обращали на нее никакого внимания. Три женщины болтали о новом кухонном комбайне, приобретенном на недавних скидках, еще одна разговаривала по телефону.

С каждой минутой беспокойство закрадывалось в душу Матильды все сильнее и сильнее. Не выдержав, она резко повернулась к двум женщинам, что сидели спиной к панорамному окну, и неожиданно для себя воскликнула:

– «Мне надо бежать, у меня, кажется, назначена встреча ...»

Матильда запнулась и покраснела. Спустя пару секунд она глубоко вздохнула, поправила стоячую от пота и крови колом блузку и попыталась объяснить, что ничего страшного не сделала и не имеет никакого отношения к происходящему снаружи.

Все это время, женщины напротив безразлично смотрели на Матильду.

– С вами мы разговаривали в лифте?? – наконец, спросила одна из них.

Матильда утвердительно кивнула.

– Вы Матильда Фонтерей?

– Я. – недовольно ответила Матильда.

– Вас в понедельник утром вывели из этого здания?

– Меня? Нет, не меня. Послушайте, я тут совсем не причем, поверьте мне! Нам надо убираться отсюда. Нам всем! – она повернулась к другим сотрудницам.

– Не надо паниковать, и заговаривать нам зубы, юная особа. – сказала вторая женщина в ярко фиолетовой накидке. – Сейчас мы спокойно заполним необходимые бланки, а наверху с тобой разберутся.

Матильда собиралась возразить и закричать, что они не имеют права, что она будет жаловаться, что все всё равно узнают правду, когда неожиданно услышала звук падающего стекла. Она подняла глаза и увидела, как два человека в мотоциклетных шлемах разбивают панорамное окно. Позади еще несколько мужчин спрыгивали во внутренний дворик и бежали к ним. Еще одно стекло с защитной пленкой в белую полосу задрожало и, треснув, разлетелось во все стороны.

Матильда поднялась по лестнице на второй этаж и стала судорожно дергать ручки всех дверей по очередности.

– Матильда, это ты?

Она обернулась. Перед ней стоял невысокий худощавый для своих лет парень. Судя по морщинам вокруг глаз, он был старше Матильды лет на десять.

– Роберт! – она бросилась к нему на шею, но он быстрым движением поставил ее на пол.

– Что ты тут делаешь, Матильда? Тебя не должно быть

здесь. Ты должна ждать наверху у запасного входа? – он нервно схватил ее за плечи. – Ты же понимаешь, что этот процесс не остановить? – спросил он, уловив ее взгляд.

Матильда стояла неподвижно.

– Ты меня слышишь, Матильда?

«Почему он злиться на меня? – недоумевала Матильда, пребывая в своих мыслях. – «Почему Роберт не обнял меня? Что я сделала не так?» Что-то внутри ей подсказывало, что она имеет ко всему этому непосредственное отношение. Потом ее отвлекли бордовые деревянные стены и висевшие на них огромные старинные картины, которые тянулись по обе стороны коридора. Внезапно ее внимание привлек парень, бесшумно подошедший в ним пару минут секунд назад. Увидев его густые темные усы над верхней губой, Матильда вспомнила фильм, в котором у главного героя были такие же усы. Она непроизвольно поморщилась и потеряла свой нос.

Вдруг откуда-то снизу послышались человеческие крики. Видимо вверх по лестницам начали бежать выжившие сотрудницы цокольного этажа.

– Вы должны пойти и посмотреть нет ли нигде лестницы на крышу. – приказал Роберт – Там они нас точно не найдут, они не смогут подняться так высоко. – он без оглядки бросился туда откуда доносились крики.

Матильда и юноша с густыми усами переглянулись и не

сказав друг другу ни слова, двинулись вглубь коридора. Это был юный высокий парень, поступивший на службу в Министерство Обороны совсем не давно и работающий в отделе документооборота. От происходившего лицо у него было землистого цвета, он почти не мог разговаривать и еще меньше думать. Он шёл впереди нее, будто под действием наркотического вещества, когда люди бессознательно делают то, что им говорят, будто их сознание осталось там, где подсыпали наркотики.

Спустя какое-то время они заметили железную клетку лифта, но убедившись, что его двери закрыты, они пошли дальше. От происходящего Матильду сильно трясло, ей приходилось хвататься за шею и затылок – голова словно метроном дергалась из стороны в сторону.

Они прошли еще немного, когда справа за стеной нашли широкую винтовую лестницу, покрытую бордовой дорожкой, с цветами похожими на лианы. Надежда наполнила их сердца и на мгновение Матильде показалось, что кровь нашла свой проход к лицу юного сотрудника отдела документооборота.

Она наступила на первую ступеньку, когда его голос остановил ее.

– «Неужели мы не подождем тех людей и вашего знакомого?», спросил Филипп дрожащим голосом. – «Они остались позади нас. – он замолчал. – Если мы спустимся сейчас, то они могут и не увидеть эту лестницу, и пройти мимо».

Матильда нехотя выглянула из-за стены и в пустом коридоре увидела лишь крики, бегущие во все стороны. Не сказав ни слова, она опустила глаза и начала подниматься. Остатки ее чести попытались забить тревогу, но эгоистический инстинкт самосохранения вел вперед.

Новое здание Министерства было построено у холма, возвышающегося в северной части города. Его замысловатая архитектура придавала ему загадочный вид. У подножия холма был общественный вход в здание, о котором знали все жители. Однако, если подняться на крышу, то ты снова оказывался на улице, а именно на вершине холма, где последний этаж Министерства становился снова первым.

Так, поднявшись на самый последний этаж, и выйдя на улицу через служебный вход, Матильда и Филипп снова оказались на улице, в самой высокой точке города и, по идее, им уже ничего не должно было угрожать. На улице все было покрыто высокой густой травой. За огромными деревьями виднелся частный дом и припаркованная машина. Матильда повернулась к Филиппу указывая на джип, когда в тот же миг заметила, как от ужаса округлились его глаза. Оглянувшись, она увидела среди деревьев человекообразных людей, тех, которых видишь на антиправительственных сайтах и в статьях о теориях заговора. У них было несвойственное для людей лицо, морда и круглые черные глазки как у карликовых собак.

Они приближались, перебегая от дерева к дереву и единственное решение, которое выдал напуганный мозг – стоять неподвижно словно мраморная статуя. Матильда закрыла глаза и задержала дыхание, страх и отчаяние вновь охватили ее разум. Внезапно послышались выстрелы, и человекообразные люди бросились в рассыпную, скрываясь за толстыми стволами деревьев. Выйдя наконец из оцепенения, Матильда обернулась: Роберт стоял у служебного входа с ружьем в руках и в окружении четырех женщин.

Как ни уговаривал Роберт сотрудниц цокольного этажа остаться с ними, он так и не смог их переубедить.

– Мы, конечно, вам чрезвычайно благодарны, сеньор, – сказала полноватая женщина в ярко фиолетовой накидке. Ее жгучие черные волосы были высоко собраны на макушке, на маленьких ушах висели крупные пурпурные клипсы – Но мы считаем, что нам надо остаться.

– Да как так? Я спасал вас не для этого. Вы подвергаете себя опасности.

– Перестань плакать, Женевьева, – женщина в ярко фиолетовой накидке одернула свою коллегу.

– Но ведь это странно! Вам лучше поехать домой. – настаивал Роберт.

– Мы это понимаем, сеньор, но нам нельзя домой. И вы поймите нас. Мы не получали такой приказ. Замолчи, Женевьева, ради всего святого! – она резко всплеснула руками, а

затем как ни в чем не бывало снова повернулась к Роберту. – Понимаете, наша работа состоит в стабильности и подчинении правилам. Сегодня утром мы получили имейл о чрезвычайном положении. Заканчивалось сообщение так: «Ждите до следующих инструкций». Вот мы их и ждем.

– Все понятно! Делайте, как хотите. Пойдем Матильда, нас ждут дела.

– Погодите, а если, – прошептала одна из сотрудниц, – допустим, мы решим поехать домой, не будет ли у вас рекомендаций, как бы мы могли добраться до дому.

Роберт поражался преданности присущей людям такого типа. Они словно рабочие лошади со шорами на глазах не видят ничего по бокам. Они, женщины, стоявшие перед ним, мелкие сотрудники огромного министерства, а преданнее своей службе многих его руководителей. В этом, наверное, и заключается сила системы государственного аппарата – не в ее руководителях, а в фанатах и до слепоты верных сотрудников низшего звена. Они выполняют приказ, следуя беспрекословно указаниям ведомства будто собственной идее.

– Я не много о них знаю, об этих нелюдях. – Роберт застегивал черную куртку, оглядываясь по сторонам. – Знаю только, что их несколько видов: одни только наблюдают, слушают, что мы говорим, другие только охотятся. Потом узнаем, что это такое. Просто быстро идите домой, не пользуйтесь общественным транспортом, если он еще остался, а лучше найдите машину. – он протянул одной из сотрудниц свер-

ток. – Ну, удачи вам!

Х

– Каковы наши планы, Роберт?

– Мы, как и планировали встретимся с Министром. Ты же связалась вчера с его замом?

– С Бернардом? Да, Я сказала, что мы будем в 6 утра у служебного входа. А сейчас сколько?

– А сейчас уже час дня. – он приподнял брови, словно недовольный учитель. – Министр сидит, наверное, уже в своем подземном бункере, что в нескольких кварталах дальше. Со всей шайкой. Чтоб их. Но ничего, мы подождем здесь пока не стемнеет, а потом ты, Матильда, спустишься в подземный туннель, там встретит тебя мой знакомый, он незаметно проведет тебя в бункер.

– Но Роберт, – вскрикнула Матильда. – А ты? Ты же сказал, что мы пойдем вместе. – Холодный пот обдал ее тело.

– Мне надо кое-куда зайти, но я к тебе присоединюсь. Ну же не дуйся. – он схватил ее лицо двумя пальцами и поцеловал в ее бледные и холодные губы. – Ты доверяешь мне?

– Да, но...

– Тогда соберись. К этому дню мы шли так долго. Это все ради будущего страны, нашего будущего.

– А как нас сможет защитить Министр от всего этого?

– А никак! – ответил Роберт, ткнув указательным пальцем молодого сотрудника документооборота в предплечье. – Я начну сначала, значит вы сначала пройдете по центральной площади с фонтаном, потом повернете направо. У небольшой церквушки, что на улице Парк есть вход в подземные туннели. Надо спуститься туда и следовать карте. А позже, вас встретит мой знакомый. Но если ты не хочешь! – Роберт посветил фонарем прямо в лицо Филиппу, – ты, можешь пойти на северо-восток, там до границы всего триста с чем-то километров, полагаю за трое суток дойдешь. Ну может больше, если потратить время на сон и еду.

– Я не могу. – зрачки Филиппа расширились, достигнув своего максимума. – Я не могу, не могу один. Не оставляйте меня. пожалуйста.

Матильда молча махнула головой в знак согласия.

– Только давайте не пойдем через подземные туннели. Там внизу много крыс, там воняет и туда не спускаются даже нелюди.

– И так Матильда давай еще раз решим, где мы встречаемся – Роберт, достал из внутреннего кармана куртки бумажную карту, не обращая никакого внимания на Филиппа.

– А ты пойдешь с нами, Роберт? – спросила Матильда, нежно поглаживая его жилистую руку, в надежде, что он уступит.

Спустя три часа и пятнадцать минут все трое открыли старую заржавевшую дверную сетку и спустились на несколько метров под землю.

Глава 4 Грамиль – столица мира

XI

– Розамунд. Розамунд! – воскликнул Абель, и заметил, что с некоторых пор повторяет ее имя дважды. Может чтобы она лучше его слышала, а может чтобы отвлечь её от каких-то раздумий, подумал он мимоходом. – Что это ты себе позволяешь, скажи мне! Какого лешего, ты приехала со мной в офис, а? – он схватил ее за локоть и силой усадил на коричневый диван в своем кабинете.

– А что же ты меня не остановил? – спросила Розамунд, поправляя плащ.

– Я не стал, снова, – Абель выдержал паузу – я не стал снова, выяснять отношение перед нашим водителем, но теперь я требую ответа.

– Ну вот, видишь, тебя интересует только ты сам, – она лениво достала из бордовой замшевой сумочки новую пачку сигарет, и не сводя с глаз с Абеля потянула за торчащий язычок прозрачной этикетки. – «Давай Розамунд не будем ругаться на людях. Давай Розамунд, ты не будешь мне противоречить на людях. Поддерживай меня на людях, Розамунд.

Розамунд» – она дразнила его, заметив его новую привычку повторять ее имя по два раза. – Ну и кретин же ты! – его жена высокомерно посмотрела на него снизу вверх и зажгла зажигалку.

– Не кури в моем кабинете! – прошептал он сквозь зубы и сел за рабочий стол. Открыл бар, стоявший по правую сторону. Коллекция десятилетнего шотландского виски, подаренная покойным тестем, спасала его в такие моменты. В моменты, когда ее невидимые щупальца брали его за галстук и затягивали потуже. В такие моменты воздух переставал поступать в его легкие, и он закрывал глаза. Ему некуда было деваться, и он пил. После первого бокала становилось легче. После второго ее бред казался ему менее диким и уже не разъедал его словно химическое вещество для мойки унитаза. После третьего он погружался в свои мысли и полностью отключал свой невидимый слуховой аппарат.

– Давай мы с тобой разберемся здесь, – он сделал второй глоток. – Я надеюсь ты не хочешь пойти на экстренное собрание?

Ответа не последовало.

Он намерено смягчил голос:

– Ты меня слышишь? Ты представляешь, как я буду выглядеть, если ты заявишься туда?

Розамунд приподняла брови. Ее презрение сменилось спокойствием и наигранной доброжелательностью.

– Я скажу тебе, чего я хочу, Аби. – она пересела в кресло

для гостей. – Помнишь, как мы обсуждали с тобой постройку стены и нового здания Министерства? Как мы вместе обсуждали реформы для граждан? А ты помнишь, что это я тебе говорила, что с проектом Сананчия могут быть проблемы?

– Но как ты...?

– Вот, значит я была права. Я услышала, как ты сказал Луз, разговаривая сегодня ночью по телефону с Бернармом. Дорогой, ты все еще спишь со мной в одной постели! – она победоносно улыбнулась.

– Тебе неприятно об этом говорить, – продолжила Розамунд, сложив ногу на ногу, и подавшись немного вперед – Тебе не приятно, я вижу это по твоим сжатым губам, но факт есть факт. Везде была я, неважно в этих стенах или нет. Так вот я и сейчас хочу здесь быть. Хочу помочь тебе с этим проектом, поддержать тебя.

Абель слишком хорошо знал свою жену, чтобы поверить, что ее сюда привели альтруизм и поддержка любящей жены. Там было что-то еще, подумал Министр, не зная наверняка что это.

– Я много думаю о нашей стране. – Розамунд вертела в руках не зажженную сигарету. – Я искренне верю, что бог нам дал шанс.

– Бред собачий, с каких это пор ты стала набожной? – перебил ее Абель, сделав еще один глоток.

– Я хочу помочь, если нашему миру угрожает опасность.

– да?! И чем ты здесь можешь помочь? в секретном бун-

кере? Ты что за идиота меня держишь? Я знаю Как женщины получают информацию!

– Попридержи язык, кретин!

– Шлюха, – не успел выкрикнуть Министр Обороны, как в ту же минуту постучали в дверь. – Войдите!

– Здравствуйте Господин министр... мадам, – необычайно высокий и худой заместитель стоял у двери, держа себя за локти. – Я всего лишь хотел сказать, что все подъезжают, будут на месте минут через 5. Максимум 10.

– Иди, дорогой я останусь здесь. – зазвучал неожиданно хрипловатый голосок. – Бернар, ты не мог бы перед заседанием сделать Министру двойное эспрессо. – ее улыбка нежно погладила заместителя по щеке.

Бернар резко отвел взгляд от узкого кожаного ремня на талии Розамунд и молча закивал.

«Мда, такой актерский талант невозможно развить, с ним надо родиться.» – брезгливо и в то же время восхищенно посмотрел на свою жену Абель Бертран.

Не успели Министр Обороны и его заместитель закрыть за собой дверь, как из кабинета послышался щелчок металлической зажигалки Зиппо.

XII

Ровно в семь утра в зал экстренного заседания вошел Марк Руссо, новый начальник Управления по заметанию следов и очистке репутации. На нем была кремовая водолазка с высоким воротом, коричневый вельветовый пиджак, темно-синие брюки и такого же цвета кожаные кроссовки. В первый раз он был на секретном заседании семь лет назад, когда проводился тендер по постройке здания Министерства Обороны. Его привел прежний начальник Управления. Он видел в Марке талант, целеустремленность и честолюбие, и был уверен, что этот подающий надежды сотрудник не остановится ни перед чем при реализации миссий Управления. Однако он и предположить не мог, что в один прекрасный день сам встанет на пути у реализации этих миссий и у Марка. Так в свои тридцать четыре года Марк Руссо стал самым юным за всю историю Управления ее начальником.

– Бернар, а нашего Агронома кто-нибудь предупредил? Или он решил не приходить? – спросил Министр Обороны, усаживаясь в кресло.

– Он скоро будет. – ответил вместо Бернара Марк. – Мне сказали, что он будет минут через 10, как раз проезжает здание оперы.

– Хорошо. – В который раз Министр ужаснулся осведомленности Марка. – Тогда не будем его ждать. Докладывайте – сказал Абель, и дал знак рукой заместителю начать вести запись.

– Я лично толком ничего не знаю. – открыл экстренное заседание главный врач. – Твой Бернар, сказал, что мы все обсудим на месте и он ничего не будет говорить заранее. Прости Бернар! – развел руками Леопольд Мазамбили.

– Да... докладываю, – дрожащим голосом начал Бернар – щеки на худом лице свисали, оттягивая вниз большие голубые глаза. – Все это касаетсяпроекта.... Сананчия. Вчера. Вернее сегодня. Около полуночи часов в лабораторию проникли люди и освободили нескольких подопытных. – возникла пауза. Он вытер рукавом пиджака лоб. – Освободили в общем количестве ...хм...хм...двадцать штук. – Снова пауза. – Представляют угрозу населению... стабильности ... безопасности – руки Бернара вспотели и заметно тряслись – только сбежавшие из корпуса двадцать три.

– Так в чем проблема? – переспросил Председатель Банка. – Куда проникли? Кто и какой вред они могут нам нанести?

– Вы, наверное, многого не знаете, дорогой мой коллега. – не мог не воспользоваться моментом Главный врач, чтобы не показать свое превосходство -Да и когда вам знать, ведь вы печетесь только о наших деньгах. Или о ваших собственных? – он пренебрежительно улыбнулся – Из того, что

я знаю, Бернар ты меня поправь, если что. Из нашей лаборатории в городе Луз сбежали неуправляемые животные – новички, по-другому не назову, так как они и не люди уже. Отлично убивают людей, таких как мы – он посмотрел снова на Председателя Банка. – а еще они хорошо прячут тела, отлично воют и могут стать огромной чертовой занозой в нашей заднице.

– Совершенно, верно, Месье. – затряс головой Бернар.

– А как, по-вашему, это вообще могло произойти? – саркастично спросил Министр Обороны. Это точно саботаж, подумал он про себя и обвел взглядом присутствующих.

– Мы пока не знаем, – ответил Бернар, сжав плечи.

– Получилось то, что получилось. – сказал председатель банка спокойным тоном. – давайте думать над последствиями.

– Над этим мы работаем, и нам помогает Управление по ... – Бернар посмотрел на Марка Руссо.

– Да вы что с ума все сошли? – закричал внезапно Министр Обороны, подскочив в своего кресла, – Какого черта вы все здесь такие спокойные? – он поспешно опустил задрывшуюся рубашку – Сидите тут, рассуждаете, едите не торопясь круассаны, да господин председатель банка? Вкусно вам? Почему это произошло, я хочу знать! Какие меры предприняты? Куда они побежали? Я требую ответа в конце концов?

Абель схватил бокал двойного виски, и теперь стал ходить

вокруг стола.

– Сколько их человек, новичков? – спросил он, попытавшись взять себя в руки. Вены на шее пульсировали.

Бернар откашлялся:

– Хм... Их сбежало около двадцати. – проямлил заместитель

– Говори громче, черт тебя возьми!

– Около двадцати, господин Министр, – сказал вместо Марк. Он встал и забрал у Бернара планшет. – Нам сообщили, что в последний раз их видели, когда они направляются на север. Мои люди подсчитали, что они будут на юге столице около 8 утра.

– То есть только будут? – ноздри Абеля расширялись и сужались в такт его легким.

– Да, господин Министр. Но, необходимая техника уже на подъезде к южной границе города.

– Если они еще и быстро двигаются – подсчитывал вслух председатель банка. – Прескверненькая ситуация складывается, однако. – Он достал сотовый телефон, чтобы его частный самолет приготовили к отправке, но обнаружил, что сети нет. – А у кого есть сеть? – спросил он.

– И так, интернет в городе Луз мы заблокировали. Как и во всех городках от Луз до столицы – перехватил в свои руки заседание Марк Руссо – Информация для новостных порталов остальной части страны пущена: Вся страна будет думать, что у нас в столице теракт. Если нужно мы отключим

интернет и связь и в столице.

– Кажется уже – пробубнил Председатель Банка.

– Столица может быть оцеплена в течение часа. – продолжал Марк Руссо. – Мы вызвали пару блогеров, чтобы они придумали какой-нибудь отвлекающий сюжет. Все ждут вашего решения, господин Министр, что писать, что говорить в твиттере. Пока мы крепко держим информационное поле. Утечек нет.

– А что с другими странами? Они знают?

– Ответ отрицательный. Если мы успеем все закончить в течение двенадцати часов, то завтра утром уже никто не будет об этом говорить.

– Закончить? Я не ослышался? поймать всех сбежавших и вернуть их в Луз? – с усмешкой переспросил Главный врач. Абель Бертран, как и Леопольд Мазамбили чувствовал потенциал Марка Руссо, и его трусливая душонка уже давно стучала по вискам, оповещая об опасности.

– Сколько в столице жителей? – не мог скрыть своего отношения к молодому начальнику Управления Главный врач. Он был верным другом Министра Обороны, защищая его словно верный пес. – Более пяти миллионов кажись, и это я еще не считая пригороды. И вы с такой уверенностью заявляете, что утром горожане все забудут?

– Я не говорил, что все жители забудут. Я сказал, что они не будут говорить об этом. А это разные вещи. Если мы выловим беглецов до вечерних новостей, то, уверяю вас, завтра

все будут шептаться только о новых чеках помощи от государства – Губы Марка Руссо растянулись в вежливой улыбке.

В этот момент его сотовый телефон зазвонил и, бросив небрежное «Простите, важный звонок», он поспешно направился к выходу.

– А почему у него есть связь? – недоуменно воскликнул ему в след Председатель банка.

ХІІІ

А может это конец света, и он наступил уже сегодня?!

Они все хотят занять мою должность и мою жену. – Абель мысленно шлепнул себя по щеке, выходя из зала заседания. – Нет. Взбодрись. Не смей, раскисать, ты мужик. А Розамунд! Она там в кабинете. Все еще там – Он чувствовал, что потеет и начинает плохо пахнуть.

– Ух и сучка, – зрачки Абеля сузились при виде жены.

Розамунд стряхивала невидимую пыль с пиджака Марка. Стоя у высокого стола в курильне, они нарочито не замечали проходящих по коридору.

«Она всегда так поступала, и как я раньше этого не замечал?!» – закричало обиженное мужское самолюбие Министра Обороны – Черт подери, как я не разглядел в ней беспринципную и тщеславную хищницу в красной юбке? Имен-

но в ней она была в день их первого знакомства с ее родителями. Министр Обороны оглянулся назад – на двадцать два года назад, если быть точным.

Это был его первый воскресный ужин с небольшой, но очень влиятельной семьей Розамунд. Во главе стола сидел ее отец, мужчина пенсионного возраста с худым, даже стройным телом, с непропорционально большой головой и маленькой шеей. С другой стороны, в самом конце, чуть ли не у входа в обеденный зал, сидела мать Розамунд. Толстая маленькая женщина, с гладкой, скорее масляной кожей на лице. Ее редкая улыбка обнажала огромные лошадиные зубы, наводя ужас на Абеля. «Может мою Розамунд подбросили» – успокаивал себя Абель во время таких застолий.

В тот первый ужин, как бы невзначай, после горячего блюда, но перед десертом, будущий тесть заговорил о новой вакансии в Министерстве Обороны и течении долгих тридцати минут рассказывал об ажиотаже, разразившемся по этому поводу – что претендентов не посчитать и от звонков ломиться телефон. Тогда мать Розамунд, как бы случайно повернувшись к будущему министру, спросила:

– А ты бы не хотел бы ты подать свою кандидатуру на этот пост, Абель? Думаю, у тебя есть все шансы пройти.

– Если честно, то я не знаю. – растерялся будущий Министр. – Возможно. Ваозможно. Идея неплохая, но я впервые слышу о вакансии.

– Потому что вакансия еще официально не объявлена –

несдержанно добавил отец Розамунд, откладывая приборы.

– Пап, не надо давить на человека, Он должен подумать и сам все решить. Правда, любимый?! – Розамунд погладила своего будущего мужа по плечу, незаметно, по ее мнению, подмигнув своему отцу.

XIV

– Ты мне потом расскажешь, как там дела? О чем будут говорить на совещании, я имею в виду.

– Мммм...возможно. Но думаю, к вечеру все дела будут улажены.

– Не сомневаюсь, Марк. – уголки ее губ едва дрогнули.

Подозрительный огонёк вспыхнул в ее зеленых глазах и пропал. И все-таки есть в ней все-таки что-то испорченное, подумал он, словно червь заполз в идеальное спелое сочное яблоко.

– Знаете, говорят с вами опасно иметь дело. – Марк старался подбирать слова, чтобы не показаться не учтивым. – Говорят, что вы не оставляете следов... лишая представителей сильного пола ...своего мужского достоинства.

– Тебе ли не знать, что нельзя лишить яиц тех, у кого их нет. – воскликнула Розамунд. Окутанная серой дымкой, знала, что выглядит очаровательно. – Я вот что думаю, может

мы сможем как-нибудь помочь друг другу? С проектом Сананчия, я имею в виду.

– Я думаю у меня есть, что вам предложить. – он немного помедлил, намеренно делая паузу. – Но при одном условии.

В ответ Розамунд лишь улыбнулась, посмотрев в его карие глаза, которые он слегка прищуривал при разговоре.

Глава 5 Шум фонтанов

XV

Когда по ее ноге пробежала очередная крыса, Матильда не стала кричать. Роберт сидел напротив, нежно поглаживая ее правую ступню, упирающуюся в противоположную стену подземного прохода.

– А ты помнишь, Роберт, тот день в комиссариате Миреля? Мне кажется, тут пахнет именно так.

– Комиссариат? Нет, что-то не припомню.

– А я помню, помню, как мы туда попали. – ее глаза загорелись в темноте – Там было средиземное море, июнь, вечер. Кафе-мороженое в старом порту, пенсионеры, сидящие за соседним столиком. – Матильда закрыла глаза и мягкий береговой бриз слегка коснулся ее лица. – А еще я помню того мальчишку, который используя старый трюк с газетой стащил твой телефон. А ты его помнишь? Помнишь с какими глазами ты вскочил из-за стола, и бросив сумку на землю, помчался за ним?

– Да, очень смешной инцидент, у тебя заело что ли: «А помнишь?» – злость вырвалась из его уст, и он незамедли-

тельно пожалел об этом. – Да, детка, – он понизил голос. – Конечно, я помню.

Что-то в голосе Роберта насторожило Филиппа, небольшие мурашки пробежали по ее коже, но он был слишком молод, чтобы придать этому значение.

– Так, а давайте подумаем, что нам делать дальше? – Роберту быстренько взял себя в руки, решив перевести тему. – Филипп ты идешь с нами дальше или нет?

– Жаль, что все так вышло. – сказала вдруг Матильда, вернувшись в подземный мир в восьмистах километрах от солнечного побережья.

– Ты про что это?

– Про все. Про министерство, про этих странных тварей, про этот подземный туннель.

– Нам всем очень жаль, что так получилось, но мы не могли это предотвратить. – ответил Роберт. – Ты же знаешь, что это государство. Оно делает, что хочет и не думает о нас. Они, там наверху, все равно поделили бы этот мир, и люди все равно разделились бы.

– Знаю, ты уже говорил это Роберт. – голос Матильды был печален. – но нам надо было больше говорить об этом, может Инстаграма и Тик тока мало. Уже после постройки стены. Может надо было.... Опыты.... Как мы дошли до этого.

Матильда попыталась еще раз вспомнить события прошлой ночи, последней недели. Тщетно.

– А кстати, где эта девочка, что вернулась. Одна из со-

трудниц Министерства? Никак не могу запомнить её имя, – снова перевел тему Роберт.

– Она ушла. Видимо прогуляться. Софи ее зовут.

– Прогуляться? в тоннеле? Сейчас?

– Может она хочет посмотреть есть ли другой выход на поверхность. – заступилась за нее Матильда. – Может она хочет уйти.

– Сумасшедшая. Хотя пусть делает, что хочет. У нас еще есть полчаса. – Роберт снова погладил ее по ноге. – Поспи еще если хочешь, Матильда.

– Хорошо – она послушно пересела, положив голову Роберту на плечо.

В густом воздухе заброшенного туннеля она увидела день их первой встречи. Каждая, последующая встреча была как маленькая капля масла, добавленная в ее огонек. Как легкое дыхание, раздувающее ее пламя. Как заботливое поправление дров в камине. Даже спустя столько лет, с ним она продолжала чувствовать струны своей души. Он нежно касался сначала одной струны, затем другой, и вот уже который год, мелодия не выходила у нее из головы. Она закрыла глаза, ее сердце билось в так знакомой мелодии.

XVI

Город Луз был небольшим городком, окруженным тремя

холмами. Основной своей частью он располагался в низине, поднимаясь по холмам лишь на несколько километров. Много лет назад он был занесен в наследие Юнеско. Когда-то, много лет назад существовала такая организация – Юнеско – и миссия ее заключалась в охране объектов культуры и истории, но в настоящее время от ее целей мало что осталось, как и от объектов, что находились под ее защитой. На центральной площади старинного города располагался круглый мраморный фонтан. Каждый год перед рождеством в город приезжал переездной парк и устанавливал вокруг фонтана свои шатры и аттракционы. К площади примыкало здание мэрии, построенное еще во времена монархии. Слово монархия, как и слово король Матильде было не знакомо, разве что из уроков истории. В пятом классе учительница истории рассказывала, что были времена, когда управление государством принадлежало мужчинам, считавшим, что власть такую даровал им бог. «Раз они считали себя заместителями бога на земле, получается, что они были немного не себе» – размышляла Матильда на уроках истории. – «А может это жители были не в себе, раз позволяли таким людям в течение многих сотен лет управлять ее страной».

Позади мэрии был парк и в детстве Матильда любила ходить в этот парк – там были животные: козы, павлины, бурундуки. Под присмотром наблюдателя их можно было кормить из руки и даже гладить, но мама ей никогда не разрешала. Она уже много лет не могла вспомнить лицо матери,

но отчетливо помнила ее тонкий голос.

Когда Матильда исполнилось восемнадцать, а случилось это в начале мая, она, новоиспеченная совершеннолетняя отмечала со своими школьными подругами подарок ее отца – новенький Порше цвета шампанского. Ночь была ясной и чистой, несмотря на холодный майский ветер, разгневанный скорым приходом лета. Лунный свет отражался на капоте машине, создавая внутри салона интимную атмосферу.

– О чем я говорила? А да, о баре. – продолжила Кэтрин, одна из подруг Матильды. – Там не проверяют паспорта, короче. Мне его Джо показал.... Ну наш садовник.

– Садовник? – захихикала Лили, делая глоток прямо из горла бутылки. Шипучка неприятно ударила её в нос, и она поморщилась, то ли от пузырьков, то ли от того, что её подруга завела дружбу с садовником.

– Да не дружу я с ним, понятно. – смутилась Кэтрин. – Я покупаю у него травку, а за то, что он не говорит об этом мои предкам, и я всегда даю ему чаевые, а он рассказывает мне, где и как можно отдохнуть, в городе и в его окрестностях, – она загадочно улыбнулась. – Ну вы меня понимаете. У нас такой порочный круг обмена информации

– ага обмен информацией, – засмеялся Стив и Лили стукнула его кулаком по коленке. Это был блондин с карими глазами, один из тех шестнадцатилетних парней, что постоянно таскается за своей подружкой, избегая мужскую компанию

взрослеющих друзей-подростков.

– И что там в этом баре такого? Это за расфасовочной фабрикой?

– Да ничего, такого там нет. – ответила Кэт, – Райончик там говняный, и на улицах порой воняет, но бар Авиатор просто бомба. Там отдыхают простые люди, понимаешь? Там иногда играет группа, там наливают всем, весело в общем. Ты точно не хочешь попробовать, Матильда? – она протянула бутылку шампанского – тут есть еще бокалы есть если хочешь, пьем то за твою машину.

– Нет. – ответила Матильда, посмотрев на Лили и ее дружка. «Может там не будет таких придурков как он», подумала с надеждой Матильда.

Бар Авиатор стоял на окраине города Луз у проезжей части национальной дороги. Напротив, располагалась фабрика по расфасовке мусора. «Курите курите ребята. Чтобы мы не чувствовали этот запах, мать его», говорил летними вечерами хозяин Авиатора, когда испарина поднималась над дорогой. В особенно жаркие дни по всей округе запах стоял особенно невыносимый.

Каждый вечер, после заката, на фабрику приезжали от четырех до семи грузовых машин с мусором. Они поднимались задним ходом по специальной подъёму и сбрасывали в специальную воронку по несколько сотен килограммов. Каждый вечер от 20 до 150 работников приходило на фабрику и

вставало у специальных конвейеров, по которым ехал мусор. Сотрудники фабрики руками сортировали мусор, разделяя пластик от прочих отходов. У каждого под ногами стояло зеленое пластмассовое ведро на случай, если его вывернет наизнанку. Туда же они скидывали не подходящий для переработки мусор.

Поймите же, – раздавал советы свои директорам предприимчивый хозяин расфасовочной фабрики, – если бедняку отрежет палец или он заразится какой-то болезнью через порванную перчатку, он не будет жаловаться, не будет просить возмещения. Они так устроены: бедняки! Не знаю почему... Кстати, еще есть одинокие старики, но не об этом сейчас.

XVII

Через пару недель после своего дня рождения Матильда высадила своих друзей у входа в Авиатор. Погода весь день была теплая и солнечная, и к вечеру вокруг бара образовался летний туман, выходящий из окон расфасовочной фабрики.

Матильда не собиралась пить в тот вечер – она была за рулём всего шестнадцать дней. Но стоя у бара в компании высоких, болтливых и разгоряченных парней, Матильда позволила уговорить себя выпить одну рюмочку текилы. За

которой последовала ещё одна, потом ещё. Но как бы ни хотела Матильда слиться с постоянными клиентами Авиатора, у нее не получалось.

Кэтрин стояла рядом с Матильдой и уверяла, что Джо, который садовник, и который случайно оказался в баре, отвезёт их потом по домам, а машину она заберет утром. «Не надо переживать, любимая моя, – твердила весь вечер заплетаящимся языком Кэтрин, – расслабься». И Матильда впервые в жизни расслабилась. А когда она в два часа ночи вернулась из уборной, то не обнаружила своих друзей на прежнем месте.

Я смелая и сильная. У меня зрение было как у орла, слух летучей мыши, а движения быстры и точны как у леопарда. Так думала о себе Матильда, когда шла, шатаясь к своей машине. Она бросила сумочку на переднее сиденье, нажала на кнопку старт. И только когда яркий отблеск фар ослепил её точно офтальмологическая лупа, она поняла, что пьяна как суслик. В следующий миг ей привиделся чей-то силуэт, за которым последовало столкновение.

– Смотри куда едешь? – послышалось снаружи.

– Просите я не хотела. – Матильда выскочила из машины, механически потирая лоб. Наверное, будет шишка, подумала она и улыбнулась.

– Да пошла ты, дура. Она еще и улыбается! – закричал низкорослый парень, поднимаясь с асфальта. – Покрасовать-

ся перед бедняками хочешь или новых ощущений ищешь.

– То, другое. – ответила стремительно трезвеющая Матильда, но язык ее все равно заплетался. – Я хотела сказать: ни то, ни другое! – выкрикнула она хриплым голосом.

За это время двое парней с криками: «Все в порядке, Роберт?», подбежали к пострадавшему.

Несмотря на происшествие, Роберт вызвался сесть за руль машины и довести нетрезвую девушку до дому. «А то ещё кого собьешь, дура пьяная», сказал он, оценив миниатюрный блестящий кулон на тонкой шее хозяйки. Матильда согласилась как соглашаются все послушные пьяные люди.

Около трех часов утра Матильда благополучно зашла домой. Машина была припаркована и оставлена за воротами, однако сумки на переднем сиденье не было, как и цепочки на шее.

Через неделю долгих и волнительных раздумий она появится на пороге квартиры 23. Двухкомнатная квартира находилась в старом трехэтажном доме под самой крышей на окраине Луз, в нескольких сотен метрах от расфасовочной фабрики и дома престарелых. Матильда нажала на звонок и стала ждать. Она переминалась с ноги на ногу, то и дело поправляя высокий хвост. Но как только входная открылась дверь, она пожалела, что пришла. Станный запах вывалился на лестничную площадку, сбив ее с ног. Он был таким густым, что его можно было схватить руками и сложить в су-

мочку, чтобы потом показывать тем, кто усомнился в его существовании. Кажется, это был запах капающей воды из-под раковины на кухне и незаметно скапливающийся на верхней полке шкафчика под ней. А может это был запах старой и разлагающейся крыши, о чем говорил свисающий, как растянутые коленки домашних брюк, потолок в комнате Роберта. А возможно, свой особый аромат добавлял стареющий кот, который хоть и справлял нужду в положенном месте, но за лотком, которого никто не следил.

Озадаченный и встревоженный Роберт стоял у входа в вытянутой серой футболке и в разношенных кривых тапочках, доставшихся от дядьки. А пока Матильда вела волнительный для нее монолог, пытаясь объяснить нелепость ситуации, произошедшей неделю ранее, а также принести свои извинения, Роберт кипел. С каждой секундой все сильнее и сильнее. Он захлопнул перед ее носом дверь сразу после того, как получил утвердительный ответ на свой вопрос «Это все что ты хотела сказать?».

XVIII

Непонятные голоса приближались, чья-то рука коснулась ее плеча, и она застонала.

– Матильда, проснись.

– Что? – спросила Матильда, чья-то рука силой вытаскивала ее душу из тела.

– Думаешь, министр будет в подземном бункере или мы напрасно рискуем? Боже теперь мы должны ждать пока она придет в себя?

– Остынь Софи, – заступился Роберт. – сейчас она проснётся.

– Да нет у нас времени ждать. Посмотри, что случилось за сутки, через неделю в стране совсем все поменяется.

Роберт пожалел, что отозвался на крики Софи. Надо было закрыть дверь в туннель, словно ничего не было. Матильда и Филипп все равно не услышали ее. Одной обузой меньше. – подумал Роберт, нервно мотнув головой.

– Ты тоже вроде из Министерства – спросила Софи Филиппа, направляя всю энергию на него. – Может ты знаешь как, как это все началось?

– Нет, не знаю. Не смотри на меня так, я всего лишь клерк в отделе документооборота.

– Я знаю, как все это началось, – сказал Роберт. Лучшим решением для него было говорить – чтобы он говорил, а не слушал.

– В то время некоторые из вас еще под стол пешком ходили. – начал он, стряхнув с волос капли воды. – То есть несколько десятков лет назад наша страна начала принимать беженцев. Но как обычно это бывает, правительство сначала действует, а потом думает. Так вот, она сначала впусти-

ла беженцев на нашу территорию, а только потом они подавали заявления на получения внж. Изначально этого делать не стоило. И что самое странное: принимали они только лиц мужского пола, заселяя их только в специально отведенные регионы и города. – Филипп и Софи молча переглянулись. – Так, через пару лет образовались городки -состоящие из исключительно беженцев мужского пола, ну и некоторого количества сочувствующих им женщин. Таких дур всегда полно! – помахал он головой из стороны в сторону, искренне недоумевая.

Спустя еще пять лет, а именно после эпидемии вируса, экономического кризиса, еще одного вируса, наше государство наконец-то начало создавать планы по спасению граждан. В один из таких планов входило переселение граждан в другие регионы.

– Ну и? – перебила его Софи. – Хороший план, нет?

– Нет. Переселить должны были только привилегированных. Другой момент. Для такого плана сначала надо было найти пригодные для жизни места, расчистить их, то есть... выселить оттуда тамошнее население. Понимаете? А кто будет этим заниматься? – он постучал указательным пальцем по виску – Тут Правительство то и поняло, что рабочих сил не хватает. Иммуитет у людей был ослаблен, все с трудом адаптировались к новому климату. На пороге стояла новая демографическая катастрофа. – он многозначительно вздохнул. – Но нашлись умники, которые предложили создать но-

вого человека, способного жить в экстремальных погодных условиях, который обладал бы навыками охотников, и был послушным и верным псом в то же время.

– А ты откуда всё это знаешь? – удивленно спросил Филипп.

– Это сейчас не важно. Важно, что никто! Никто не хотел идти волонтером в этот проект. – продолжал Роберт, войдя в кураж. – И тогда наш дорогой Министр во со своей шайкой принял решение о проведении опытов над жителями специальных городков. Понимаете? Нет? Тех городков, куда в течение многих лет селили беженцев мужского пола.

– Но было вроде много хороших отзывов об этой программе. Со стороны других стран и от ученых. – добавила Матильда, протирая глаза. – Я помню, как мой отец читал разные документы, я видела мельком некоторые листы.

– А что именно происходит с этими подопытными кроликами мы уже не знаем, так?

– Говорят их скрещивают с животными, делают трансплантацию внутренних органов животных, смешивают, меняют ДНК. В одном журнале в Мадале как-то опубликовали статью о беременных женщинах, вынашивающих гибридных эмбрионов. Но новость быстро задушили. Кстати, как и главного редактора!

Сердце Матильды учащенно забилося. Нечто странное образовалось в нижней части ее груди, задрожало и подскокило вверх словно ртутный столбик в старинном термомет-

ре. Матильде захотелось порвать свою грудную клетку, и, открыв ребра одним движением, вытащить тот клубок ненависти и ярости, что метался во все стороны, ударяясь о стены замкнутого пространства.

Она посмотрела на Филиппа и Софи и ей стало искренне жаль своих спутников. Даже план по насильному переселению малоимущих граждан не вызывал нареканий у основной массы населения, а что говорить про создание нового человека. Необходимые для этого опыты, объяснялись ничем кроме спасения граждан. Люди не смотрели на опыты над людьми как на негуманные опыты в чистом виде. Министр Обороны, которому пока всецело принадлежала власть в государстве, в своей речи перед подписанием нового плана по переселению сказал, что цель главнее средств, а когда цель гуманна, жертвы оправданы. И все были с этим согласны. Возможно, все дело в удивительной способности людей внушать себе любую удобную правду? А возможно, в нас просто заложен ген ненависти к окружающим нас людям. – думала Матильда.

– Так, я все проверил, вы пойдете налево! – воскликнул Роберт, нарушая туннельную тишину. – Через километр вас встретит Федор Иванович, он доведет вас до бункера. Вот часы, отдай их ему.

– А как же ты? – прошептала Матильда.

– Детка, все будет хорошо, я просто хочу попасть с дру-

гой стороны. Не опускай глаза. Все будет хорошо! Скоро все узнают. Это наш звездный час. Там внутри мы с тобой встретимся. – Роберт в несвойственное ему состоянии эйфории и приподнятости духа. – Мы все заснимем, Матильда, как и хотели! – он горячо поцеловал ее в губы. – А потом сольем всю информацию в сеть. Все в стране узнают о нашей проблеме, все содружества стран, и на той стороне – за стеной – узнают о том, что мы сделали. Как мы вывели всех на чистую воду и справедливость восторжествует! Это будет не просто, но все получится!

Не успела Матильда вымолвить и слово, как Роберт скрылся в темноте туннеля ведущего на запад.

Глава 6 Обратная сторона

IX

У Розамунд никогда не было депрессии, ни разу в жизни. Да и сейчас ее нет. «Депрессия – это отговорка человека», она стряхнула пепел в керамический кувшин, и приблизилась к офисному шкафу. «Мда, ничего особенного, – подумала Розамунд, открывая по очереди полки. – И что я пытаюсь тут найти?» Острым носком кремовых туфель она нажала на самую нижнюю полку и не обнаружила ничего кроме аккуратно сложенных папок. Она расстроено подняла глаза, когда снова посмотрела вниз. Что-то внизу заставило ее нагнуться и приподнять несколько документов. На дне, из-под картонных папок торчал уголок черно-белой фотографии. На ней два мальчика лет двенадцати стояли рядом, сложив руки на плечи друг друга. Мальчик слева в полосатой футболке стоял немного застенчиво, приподняв свои худые плечи. Несмотря на поднятую правую руку над головой, он шурил глаза от солнечных лучей. Справа, в светлой футболке и с длинными волосами, подмигивал и улыбался другой мальчуган. С прямой как у военного спиной, он стоял, гордо

расправив плечи. Позади них был яблоневый сад, и судя по спелым фруктам на ветвях деревьев, на дворе стояла поздняя осень. Через три года лучшего друга Абея, что стоит, гордо расправив плечи, похоронят в закрытом гробу. Розамунд поджала губы, но тут же взяла себя в руки. «А ведь он всегда был такой мягкотелый», пробормотала она, небрежно бросив фотографию обратно в полку.

В то время как все неспешно собирались в зале заседаний после очередного перерыва, Бернар, воспользовавшись этим моментом, поспешил в кабинет Министра.

– Войдите. – послышался хриплый голос.

– Меня просили вам передать, Мадам. – полуседая голова показалась из-за двери.

Полулежа на кожаном диване, Розамунд внимательно осматривала заместителя своего мужа. Ничего и никогда не ускользало от ее все замечающих кошачьих глаз. И сегодня, на долю секунды ей показалось, что высокий, немного угловатый Бернар с пугливыми выпуклыми глазами, выглядел страннее обычного. Он дрожащими руками положил коричневый конверт на столик у входа в кабинет, и уже уходил, когда Розамунд окликнула его:

– Ничего не хочешь мне рассказать?

Бернар застыл у входа.

– О своем начальнике может?

– Нет – ответил он, не поворачиваясь.

– Ну как знаешь.

Презрение коснулось его ушей, но ему было абсолютно все равно. Он должен был закончить начатое, он не мог подвести Роберта. Только Роберт поможет отомстить за сотрудников расфасовочной фабрики, отправленных в лабораторию Луз.

XX

Отец Роберта был ярким оппозиционером, и как все представители его класса, был тем, кто во всем и всегда винил государство – за то что работал водителем мусорной машины, за то, что искал в газетах купоны на продукты, за то, что одевался в супермаркете и был женат на толстой, безобразной и глупой женщине по имени Ирэн. Он считал, что это государство виновато в том, что он не получил высшее образование, и остался за бортом. По мнению Пьера Толь, государство специально держало таких как он в определенном социальном классе и не давало расти. «Они сделали из нас узников. Даже нашим детям не вырваться из этой нищеты. Никто не хочет идти в водители грузовиков навечно, но нам не говорят об этом в шестнадцать лет. В шестнадцать лет нам говорят о специальных программах ПТУ. Зазывают нас тем, что учёба длится вдвое меньше, чем в университете, и что после

окончания у нас будет реальный доход. Реальный доход – реальная независимость! – кричат они на каждом шагу. А что это значит? Это значит прощай мать и отец, и старая односпальная кровать в детской комнате убогого родительского дома. Это значит привет деньги, независимость, девчонки. Какой шестнадцатилетний школьник не увлечется этим?

Вот нет бы сказать правду: «Вас в будущем ничего не ждёт, кроме этой физической работы и стирания межпозвоночных грыж. А если вы захотите перейти на другую работу, необходимо будет переучиться и получить диплом». Эту сранную бумажку – диплом – сделанную на мои налоги. На получение которой уйдет еще пара лет очного обучения, а в это время ваша семья будет помирать с голоду. Но если вам безразлична ваша семья и вы захотите поиграть в студента, то милости просим – все за счёт государства.

Пьер внимательно следил как, по его словам, государство катится вниз, наблюдая и покупая газеты, которые стоили дороже килограмма свинины. Он любил читать газеты и, хотя подписку можно было оформить на дом, он любил прогуляться к центру города на рассвете и купить себе свежий выпуск. Потом зайти в табачную, выпить две чашечки кофе, выкурить по паре утренних сигарет и обсудить с единомышленниками бездну, в которую их толкало государство.

Он уже пересекал небольшую площадь перед городским кинотеатром, когда его внимание привлёк заголовок статьи на первой странице: *Сананция – а наше ли это буду-*

щее? Снизу мелким шрифтом было написано: «Глава государства, Абель Бертран утвердил проект Сананция по развитию нового человека». Пьер сплюнул, сунув газету в подмышку.

Так Роберт, в отличие от Матильды, с самого детства знал о том, что именно происходит в стране. Он был мал и впитывал как губка всё, о чем писали газеты, всё, о чем говорилось по телевизору, но именно во время ужинов в его организм попадало, расщеплялось и проникало в каждую клетку настроение и видение мира Пьера Толь.

Через месяц после первой встречи, когда Матильда сбила Роберта у бара Авиатор, они уже встречались каждую субботу в том же баре. Он был не похож на всех ее друзей. К своим восемнадцати годам, Матильда устала от избалованных мальчиков, которых мамы одевали в костюмчики зайчиков на детские праздники. Эти мальчики выросли и надевали другие костюмы – пиратов, начальников, бандитов – но снизу всегда оставался костюм зайчика. «Может что-то новое не помешает», думала Матильда, глядя на Роберта. Ей нравилось каким он был. Роберт не стеснялся в выражениях, он шутил над Матильдой и ее образом жизни, и ее это забавляло. Ведь ей говорили с детства: «мальчик задирается, значит любит». «Они так оказывают знаки внимания» – учат девочек в школе и это откладывает отпечаток в их маленьких головах. И когда, в очередной раз, муж поднимет на нее руку,

и она будет плакать от боли и обиды, она найдет в себе силы и переубедит себя: «бьет – значит любит». Ведь никто не объясняет маленьким девочкам, что они вправе защищаться – даже от любви, которая приносит им дискомфорт и боль.

Со временем Матильда стал приходить в бар Авиатор все чаще и чаще. С Робертом или в одиночестве, но всегда в слишком безупречном для этого места виде. Небрежно уложенные каштановые волосы украшали ее невинное личико. Густые брови обрамляли глубоко посаженные глаза, светившиеся янтарным светом в тусклом сиянии жёлтых ламп. Она стучала пальцами по барной стойке, в ожидании заказа и с удовольствием, но всегда со скрытым смущением, ловила на себе уверенные взгляды неотесанных мужчин и самоуверенных подвыпивших парней. Пара бокалов, и она погружалась в чарующий мир хмельных, но свободных дискуссий на грязном заднем дворе Авиатора.

Знакомство с Робертом, с социальными домами, с жизнью в неблагополучных пригородах Луз ворвалось в мир Матильды перевернув его вверх дном. Матильда отчаянно нуждалась в чем-то помимо холодных разговоров отца о прибылях и убытках, о необходимости лоббирования интересов; она нуждалась в чем-то помимо инфантильной, отстранённой матери и обсуждения каникул в Альпах. Матильда любила свой небольшой бассейн в их уютном загородном доме, она любила непринужденные разговоры с садовником, и теплые утренние блинчики домработницы, но со временем

она стала всего этого стыдиться.

– А ты чего хочешь от жизни, Матильда? – спросил напыщенно-серьезным тоном Роберт, застав ее врасплох.

Она еще не знала чего хотела от жизни. Всё что до этого ей говорила мать, все растворялось и исчезало сквозь открытые окна. И теперь откуда-то издалека до нее доносился слабый, но все такой же заносчивый голос матери:

– Матильда, справедливости в мире нет. – говорила Элена, разглядывая новую коллекцию сумок. – Каждому свое место. База для мозгов или есть или ее нет. Ты пойми, доченька, ты не сможешь жить с кем-то не из своего круга. Нищие мыслят по-другому.

Матильда подняла глаза и призрак матери исчез в белой дымке. С Робертом для нее всё было ново, и она уже начала чувствовать свое предназначение.

– А как вы познакомились ребята, – поинтересовался друг Роберта, вернувшийся недавно со службы на стене. Не только у него эта пара вызывала интерес, но только он посмел задать его Роберту.

– Мы познакомились в баре! Если бы мои подружки тогда не напились и не оставили бы меня. . . .

– Я тоже не думал, что буду такой как ты! – перебил ее Роберт, поняв по-своему последнюю фразу. Матильда замолчала, почувствовав холод во взгляде Роберта, но не придала этому значение.

Бывало, Роберт смотрел на Матильду и не понимал. Не понимал ни Матильду, ни самого себя. По какой причине он продолжал общаться и сближаться с ней с каждым днем? Его раздражала и в то же время привлекала ее медлительность и беспечность ребенка из высшего общества. Роберт смотрел на Матильду, на ее утонченность, на дорогие украшения, на аккуратно собранные волосы и завидовал ей. Завидовал, ведь он отчаянно мечтала быть на ее месте. Жить ее жизнью – в чистом доме, где по воскресеньям устраивают семейные обеды, где под рождество всей семьей готовят бутерброды с фуагрой и упаковывают подарки, где у тебя есть слуги и субъективная, только твоя личная справедливость! Он ненавидел всем сердцем тех, кому хоть немного повезло в этой жизни, а тому, кому действительно повезло – он их презирал.

XXI

Первым документом, который Розамунд достала из коричневого конверта, который принес Бернар, был Протокол заседания от 25 июня. К лицевой стороне протокола, чуть выше слов «Проект Сананчия 2.0», была прикреплена записка: «Матильда, прочти третью страницу. Марк».

Протокол заседания 356–2 от 25 июня 2065:

В качестве места нахождения новой лаборатории опре-

делить пригород Луз, а именно расфасовочную фабрику, расположенную по улице Парк, номер 36 бис.

Сотрудников уволить без выходного пособия. В случае несогласия отправить на принудительные работы на восточную стену.

Розамунд быстро прошлась глазами по оставшимся страницам и волнительно перевела дыхание.

Из доклада Управления по заметанию следов и очистке репутации №253 от 15 декабря:

Месье Пьер Толь, бывший сотрудник расфасовочной фабрики, организовал несанкционированные митинги с привозом навоза к главному входу мэрии города Луз. В результате фонтан на площади перед мэрией пришлось закрыть. Подачу воды в городе приостановить.

В ходе расследования выяснилось, что вышеуказанный господин, или его сын, создал антиправительственный сайт, с единственной целью – подорвать авторитет существующей власти, а также ее ценностей. Подписчиками являются в основном уволенные сотрудники расфасовочной фабрики и хозяин бара Авиатор.

Разъяснительные работы были проведены в сентябре. Однако результатов не дали.

Для окончательного решения проблемы назначен руководитель Управления по заметанию следов и очистке репутации Марк Руссо.

Розамунд откинулась в кресле мужа. Она представила Марка и ее губы невольно вздрогнули.

Третьим документом была служебная записка, адресованная Министру Обороны, сложенная в прозрачный, канцелярский конверт, на дне которого лежала флешка. Розамунд включила компьютер.

Запись телепередачи Суперняня от 28 марта 2044

(В рамках передачи, в течение десяти дней социальный сотрудник пытался помочь родителям восстановить отношения с ребенком. Для некоторых же матерей это был лишь еще один способ оказаться на экране).

В один из вечеров, после очередного приступа истерики, уединившись на втором этаже, ведущая спрашивает девочку, сидящую на сиреновой кровати:

– А чего бы тебе больше всего хотелось получить... от мамы?

– Объятия – не думая, отвечает шестилетняя Матильда, смущенно потирая глаза.

Розамунд резко остановила запись, почувствовав жар. На долю секунды что-то щёлкнуло в ее душе – всплеск, вспышка.словно обессиленный заключённый, тянущий руку к окошку в карцере, маленькая девочка в душе Розамунд протянула руку Матильде. Она появилась лишь на мгновение и снова исчезла в темных глубинах ее души. Розамунд на секунду засомневалась и тут же увидела лицо отца в отраже-

нии экрана:

– Иногда дорогая людям надо помогать. В этом нет ничего страшного. Ты можешь даже иногда подталкивать кого-то к действию.

– Да, папа, я понимаю. – отвечает десятилетняя Розамунд.

– Ускорять неизбежные события не есть преступление, доченька. Преступление – не подсказать, не указать. – он нежно погладил ее по макушке – Особенно женщинам.

«Женщины» – произносил отец Розамунд постоянно и в разной интонации, но звучало это всегда как упрёк. Те редкие моменты, когда вчерашнее похмелье уже отошло, а предвкушение предстоящей попойки ещё не наступило. В эти редкие моменты чистого разума, когда не было ни раздражения, ни желания заниматься нравоучениями, Розамунд чувствовала настоящие отношения с отцом. «Вы, женщины, думаете, что много знаете, и все можете, но это далеко не так» – он посмотрел на свою дочь и тяжело сглотнул, словно в горле застрял кусок сухого ржаного хлеба. Он любил своих дочерей, но после рождения второй он твердо пообещал себе сделать из них нормальных людей, и придерживался этого плана всю жизнь.

«Ах, отец, ты всегда заботился о нас», подумала Розамунд закурив красные мальборо. «Пора и мне позаботиться о своих близких». – Она провела рукой по коричневому конверту.

Из служебной записки Марка Руссо от 15 апреля адресо-

ванной Министру Обороны Абелью Бертрану:

Помощником Пьера Толь, как выяснилось, является и его сын Роберт Толь.

Без высшего образования.

Разнорабочий.

В одно время работал также на расфасовочной фабрике. До 16 лет не привлекался.

В ходе расследования была найдена детская психологическая характеристика. Согласно заключению школьного психолога, Роберт Толь, возможно, страдал ранним социопатическим расстройством. Наблюдалось явное отсутствие эмпатии.

Ответа от родителей получить не удалось, но соседи утверждают, что употребление психотропных или других запрещенных веществ за матерью не наблюдалось. Генетических психических заболеваний нет.

Однако, следует отметить, что домашние животные соседей по подъезду исчезают в течение двух недель после их приобретения. Животных не нет только у семьи Толь.

Первый задокументированный приступ депрессии случился у Роберта после прочтения статьи о бешенстве, передающегося от домашних животных. Статья от 5 июня 2036 года, газета Дело №.

Родители никак не ограничивали доступ к новостным порталам. В сочинении как вы провели весенние каникулы, восьмилетний Роберт детально описал теракт на стадионе.

не, повлекший смерть главы соседнего департамента.

Страдает синдромом раздраженного кишечника, от чего видимо его лицо покрыто угрями вдоль ушей. Несколько лет назад, Роберт Толь, воспользовавшись связями семьи некой Матильды Фонтерей сумел достать секретную информацию о Проекте Сананчия.

На данный момент местонахождение обоих неизвестно. Пьер Толь числится пропавшим без вести.

На полях последней страницы мелким шрифтом было добавлено:

«Думаю, им еще кто-то помогает. Не могли они это вдвоем проверить. Полагаю это у них есть поддержка в Министерстве».

Глава 7 Exterminate

XXII

– В общем экскурсия длится сорок пять минут, но это будет зависеть от адекватности женских вопросов!

– Адекватность женских вопросов? экскурсия? – засмеялся Филипп, повторяя за мужчиной в бежевых брюках и в зеленой куртке.

– Никакой экскурсии, пожалуйста. – сухо сказала Матильда, протягивая часы. – Нам надо просто попасть в подземный бункер, можете?

– Оставьте их себе! – сердито ответил пожилой мужчина – Я согласился вас впустить бесплатно и только из-за Роберта. – он почесал свою седую бороду. – А походы через это подzemелье для меня всегда экскурсия. Зовите меня Федор

– Как как вас зовут? Фёдор? Какое странное имя. А вы откуда родом? – спросила Софи откашливаясь – Какое странное имя. Вы откуда родом? Явно не из местных.

– А ты догадливая.

– Ну очень приятно Фёдор. А если серьезно, вы откуда? – Софи убрала назад повисшую в воздухе руку – Не хотите от-

вечать? Ладно. Вы видели, что сегодня творилось на улицах города? А вы поднимаетесь на поверхность или все время проводите тут? – вопросы сыпались на головы спускающимся по вертикальной лестнице. – А почему бы нам, не дать отпор. Я бы с радостью пошла в бой, да и курсы стрельбы проходила когда-то. Только оружия у нас нет.

– Военные без оружия – это строительный отряд! – буркнул Федор, когда все спустились. Он искоса поглядел на девушку, представляя, как заклеивает ей рот серебристой изолентой.

Федора был одним из тех суровых мужчин, что выросли на берегу Северного моря, где отцов дети видели два раза в год, а матери растили их зимой без отопления. Он был безоговорочно предан родине, а когда родина его предала, он стал верен тем, кто давал ему жилье и пропитание. После войны Федор стал работать парикмахером, но пять лет назад, из-за маленькой пенсии, он был вынужден продать свой дом и переехать в подвал под той же парикмахерской. Условия проживания изменились, но Федор не жаловался, применяя врожденную изобретательность. Когда хотелось принять душ, он прикреплялся шланг к раковине, а туалетом служило ведро с пакетом. Он купил небольшую плиту, и ставил ее на раковину, когда готовил ужин. Думал, что так и умрет в одиночестве в подвале своей парикмахерской, пока однажды случай, а скорее чудо, не свело его с Бернардом, нынешним заместителем Министра обороны. Он то и устроил

Федора в патруль подземелья.

– А я слышала, что когда-то здесь проводили экскурсии? – Матильда пыталась собрать мокрые от капель волосы, и сожалела о том, что не отстригла их ранее.

– Так и есть. – ответил Федор – Только вот на экскурсию сюда приходят не простые люди, а министры всякие, иностранные гости, короли там, или премьеры министры. Представьте, им тоже хочется посмотреть на такое чудо света.

– Чудо света? Мне кажется это давно уже не чудо. Вот прятать агентства секретной службы под религиозными объектами – это чудо!

– Вот видите, об этом я говорил. Ваши неадекватные вопросы и вера в теории заговоров мешает нам продвигаться. – по-старчески разозлился Федор, – А нам надо бы поторопиться – он посмотрел на часы и задумчиво нахмурил брови.

Ладно, чтобы никаких дурацких и раздражающих теорий заговора и государственных тайн не возникало, лучше я что-нибудь расскажу этим малолеткам, подумал про себя Фёдор.

– Вот тут, где мы с вами идем, таких подземных районов в нашем городе несколько. На севере, на юге, и на западе. Много столетий назад, когда город был еще невероятно мал, его жители узнали о залежах известняка и гипса под их ногами. Грамиль наверху рос и расширялся, а снизу велась добыча. Многие жители и сейчас не подозревают о пустом пространстве под их ногами. Здесь производили и хранили пиво, выращивали грибы и создавали винные погреба.

– О я бы сейчас не отказалась от холодненького пива!

– Замолчи пожалуйста, – не выдержал Филипп.

– А теперь я попрошу ускорить шаг. – прошептал Федор –

Чем быстрее мы попадём на нужный нам этаж бункера, тем целее будем. Внимание, сейчас будет поворот. Осторожней, милочка. Убьетесь тут.

Матильда еле удержала равновесие, схватив Федора за плечо. Все четверо оказались в огромной трубе. Первый этаж был затоплен водой, в которой плавали джинсы, один коричневый мужской ботинок на шнурках, и свежие газеты.

– Здесь бы получились просто бомбические фотки – сказала воодушевлённо Софи. – Жалко, что батарея села, ведь никто не поверит.

Федор помотал головой, как бы говоря, что этого не может быть – не может быть чтобы люди были настолько глупы и двинулся вперед. Внезапно, откуда-то из темноты, послышалось легкое всхлипывание.

Первой на звук пошла Матильда. Ей казалось, что все происходящее это сон. Что на самом деле она сейчас у себя дома, сидит на кровати вместе с Робертом. Теплые лучи проникают в ее комнату, выкрашивая стены в персиковый цвет. По телевизору показывают очередную передачу про покупательскую способность и надвигающийся социальный кризис.

– Женестьева, это вы? Что вы тут делаете? – темноту разрезал яркий луч походного фонаря. – Где все?

– И почему на вас ярко фиолетовая накидка вашей колле-

ги? – воскликнул от ужаса Филипп.

– Она, она... – Женестьева не могла говорить.

– Как вы здесь оказались?

– Может дадим, мадам немного выдохнуть, – сказал Федор, протягивая руку Женестьеве. – Давайте, пойдёмте. Нам надо попасть наверх, здесь стало плохо пахнуть.

– Только сейчас стало плохо пахнуть?

– Софи! – воскликнул Филипп – Перестань!

В это время, Федор подтянул лямку рюкзака, и аккуратно наступил на небольшой выступ, напоминающий оконный карниз:

– Следуйте за мной. – Он расставил руки в разные стороны и, упершись носом в ледяную металлическую стену, и медленно двинулся вперёд.

XXIII

– У нас уже более десяти тысяч трупов – кричал Министр Обороны с раскрасневшимся лицом, когда Розамунд вошла в зал заседаний. Кажется его одного пугали эти цифры.

– А это ты! Ну заходи, может ты нам сможешь помочь, – он презрительно фыркнул Министр, посмотрев на жену в упор. – А вы! – он яростно посмотрел на Марка Руссо. – Вы же знаете, что происходит на улице? И что же? Уже вечер.

А они все бегают. Вы, Марк, говорили, что поймаете этих бегающих по городу недолюдей к вечеру. А они, между прочим, убивают наших мирных граждан. Скоро и до нас дойдут. А вы видели их, их человеческие тела и не человеческие лица! Да их даже лицами не назовешь – это морды карликовых собак Котон де Тулеар. Думаете люди поверят, что это само собой получилось? Это беспредел!

– Смерть людей – это сопутствующие расходы, милый. Думаю, тут все со мной согласятся., что ...

Не успела Розамунд договорить фразу как дверь в зал заседания распахнулась.

– А это еще что такое? – ошеломленный Главный врач, указал пальцем на входную дверь.

На пороге стояла хрупкая девочка на вид лет двадцати, в рваных джинсах и в окровавленной шелковой блузке. Правая губа припухла от пореза, на перегородке виднелся зарождающийся синяк. Потерянный, но острый взгляд бродил по залу.

– Что вы здесь делаете? Что она делает здесь? – расшатавшиеся нервы главного врача не выдержали. – Кто ее впустил?

– Вы бы прекратили потреблять так много сахара и кофе. Мне уже право боязно за вас, – закачал головой Председатель банка – Не стоит так напрягаться, а то кажется, что вы сейчас взорветесь.

Матильда в этот момент переминалась с ноги на ногу, то и дело оглядываясь назад.

– Матильда, может тебе надо уйти? Чего ты добиваешься? – прошептал Федор, коснувшись ее руки.

– Нет, я им все скажу! – воскликнула Матильда, одернув руку, выходя из оцепенения – Я...я хочу, чтобы вы прекратили это – ее голос задрожал. – Остановите опыты. Вы думаете мы не знаем? Вы задумали этот ужасный проект...проект..... – Она обернулась к Федору, Женеьеве и Филипу. Пот стекал с лица Матильды, капая ей на грудь, которая явно не давала покоя Председателю Банка.

– Пусть эту полоумную девицу выведут отсюда и больше, чтобы я ее не видел – стукнул по столу Абель. – Почему мы вообще с ней разговариваем.

– погоди Абель, – Розамунд погладила мужа по руке и повернулась к Матильде – Деточка, как тебя зовут?

– Матильда Фонтерей

– И так, Матильда, представим, что-то, чем ты там занималась. – она взмахнула рукой, под удивленные взгляды сидящих за столом. – помогло тебе узнать, чем Мы тут на самом деле занимаемся. Представим, – она сделала паузу и ее глаза встретились с глазами Марка. – гипотетически, в вашем окружении есть сочувствующие и другие сумасшедшие люди, которые верят в теорию заговора. Допустим, они вам помогли достать пропуски в секретную лабораторию Луз. Там, на месте, вам помогли собрать вещественные доказательства, какими бы они ни были. Можно даже предположить, то это вы несколько лет назад приложили руку к скан-

дальной статье в Мадале. Но единственное, что я не могу понять, – Розамунд искала на столе зажигалку, – как вам удалось дойти до нас. Найти нас в этом подземном тайном бункере?! Неужели кто-то из присутствующих помог? – при этих словах она повернулась и посмотрела на Бернара.

Все взгляды устремились на заместителя Министра, потом на Розамунд.

Ее нутро торжествовало. «Они все сомневались во мне», она невольно выпрямила спину, откинув голову назад. Недоумение ее мужа льстило ей и раздражало остальных.

– А ты не смей уходить, Бернар. Пока нам тут объясняют, что происходит – приказал Министр, указав на один из стульев около стены.

В это время Марк Руссо, разговаривающий последние пару минут по телефону, положил трубку и произнес:

– Господа, наши охранные силы почти успокоили население и выловили почти всех «новичков». Полагаю будет не совсем логичным, если мы выставим эту девушку на улицу. Пусть она посидит тут под нашим присмотром. Пока мои люди не приедут за ней.

При словах «новички» верхнее давление Министра снова подскочило до ста шестидесяти.

– Как ты это всё провернула? – спросил Министр, переводя взгляд с Марка Руссо на Матильду. – Зачем надо было освобождать «новичков», не понимаю – продолжил он –

Разве ты не знала, когда собирала информацию, что они еще не стабильные? Ты, наверное, только хочешь быть умной, а на самом деле такая же дура и фанатичка, как и все фанатики. Это ты виновата в том, что творится на улицах, все эти трупы на твоей совести.

– Нет! Не правда! я просто хотела, чтобы народ знал, какие опыты вы творите над людьми. – Матильда, высказывала все чему ее учил Роберт. «Где же ты, Роберт?!» – силой сдерживала она порыв. Она должны быть сильной – ради себя, ради мира, ради него, конечно же. Все это ради него. Иначе и не могло и быть.

– Люди ведь просили у нас убежища, – сказала Матильда, сделав глубокий вдох – они ведь приехали за лучшей жизнью. Они были беженцами в конце концов. У них в странах были войны, они спасались – слезы стекали по ее лицу, капая с подбородка. – Я просто хотела, чтобы все узнали.

– Узнали что? Всё, ты немного достала, если честно, – осадил ее Председатель Банка – что же ты такая сердобольная. А ты не задумывалась над тем, что этих беженцев кормить надо, что многие увидев нашу жизнь не захотят работать, а захотят только хорошо жить. Будут смотреть на тебя и хотеть твою жизнь. Что думаешь я не понял кто ты? Судя по твоим тонким золотым часам и шелковой блузке, ты дочка какого-нибудь богатого человека из третьесортного городка. Так вот и твоя жизнь станет их мечтой.

– Я читала сводки, я не настолько глупа – пробубнила Ма-

тильда

– Конечно нет!

Матильда опустила голову и несколько минут смотрела себе под ноги, не говоря ни слова. Ее мысли судорожно бегали по комнате, стуча по стенам в поисках потайного сейфа, где может храниться ответ. Слеза попала ей в рот и Матильда, облизав губу жарким языком, посмотрела исподлобья на Розамунд:

– Главное быть честными с народом. Мы устали, что вы обзываете всех нас сумасшедшими, вон даже наш друг Федор говорит об этом.

В этот момент все удивленно посмотрели на Матильду, но ничего не сказали.

– Абель, дорогой, я никак не могу понять в чем дело. Почему мы до сих пор слушаем эту девочку? – спросил главный врач, рассудок постепенно возвращался к нему.

– А давайте я вам расскажу – начала Розамунд. – Эта девочка, такая милая, худенькая, немного нервная, это она начала все то, что сегодня происходит на улице. Она и ее сумасшедший парень фанатик. Это они виновны в том, что люди могли бы узнать о проекте Сананчия.

Марк нажал на кнопку и на экране возникла фотография из Передачи Суперняня. Матильда побледнела.

– Не смейте! – закричала она.

– Еще как смею. – Розамунд передала коричневый кон-

верт с документами Абелю. – Ты занялась этим делом со своим парнем. Чтобы вывести нас на чистую воду. Надо же какой борец за справедливость. Хотя нет не так. Это твой парень фанатик хотел нас подставить и использовал тебя. Что смотришь? Ты не догадывалась? Думаешь, он любил тебя? А я думаю его больше привлекали связи твоего отца. Не нравится, что я говорю? А может это была твоя идея отправить его вчера в Луз? Чтобы за это отомстить? Мол езжай Роберт освободим новичков. Хотя, все равно. Главный вопрос: А где же Роберт, дорогуша?

– Потерялся по дороге! – рассмеялся Председатель банка.

Главный врач напрягал извилины что есть мочи, дабы уловить ход событий.

– А я, кажется, слышал твое имя – процедил сквозь зубы Министр, пробегаясь глазами по документам – Матильда Фонтерей, говоришь? Не знал, что ты так далеко можешь, Матильда! – Министр Обороны произнес ее имя и отчетливо вспомнил ее глаза и кудрявые волосы. Он тут же бросил яростный взгляд на Бернара. Ведь это он организовал поездку в прошлом году в Луз в рамках предвыборной кампании.

– Что ты смотришь, деточка, – заулыбалась Розамунд – ты так хотела сломать систему, что сломала себе жизнь. Отправила своего жениха искать компромат, и он сделал и умер, ради тебя.

– Это не правда, мы были вместе – запротестовала Матильда.

– Правда. правда. Позволь спросить. Ты сошла с ума после его смерти или до?

Последняя фраза полоснула Матильду холодным лезвием по животу. Она опустилась в одно из коричневых кресел, стоявших вдоль стены.

"Нет, этого не может быть. – тысячи мыслей пронеслись в ее голове – Это все не правда. Где же Роберт? Почему он так долго?"

Сидящие за столом совещались, изредка поглядывая в ее сторону. Она слышала лишь обрывки:

– Ее жених и по совместительству организатор умер. Она ожесточилась. Это понятно. У нее помутился рассудок. И это тоже понятно. – листал досье уже Председатель банка.

– Но что-то пошло не так, судя по гематомам у нее голове. – Розамунд ткнула в Матильду пальцем.

– И что нам с ней делать теперь?

– Я знаю, как вас остановить! – выкрикнула внезапно Матильда, соскочив со своего стула, но встретив взгляд Розамунд тут же запнулась. Она оглядела зал. Синие маленькие глазки Главного врача сверлили Матильду насквозь. Министр Обороны сидел, сложив руки у себя на животе. Молодой начальник Управления стоял позади него. Председатель банка улыбался, подмигивая.

Матильда протерла глаза, вытерла о штаны мокрые от пота руки. С ней есть ее друзья и поддержка, а значит все будет

хорошо. Вот Федор, который сейчас смотрит на нее и улыбается. А возле него Женестьева продолжает нервно трогать свои заплаканные щеки. Они со мной, подбодрила себя Матильда и посмотрела налево. Слева от Розамунд стоял Филипп. Он не улыбался, не двигался, не делал ничего, словно застыл в пространстве и во времени. Какие странные у него глаза, он как будто мне хочет что-то сказать, подумала Матильда. Почему он так смотрит на меня.

– Ну что Матильда, ты все еще видишь их не так ли? – тонкие губы Марка проявили сочувствие. – Мне очень жаль.

Розамунд стиснула зубы, почувствовав изжогу. Это гадкое чувство жалости снова заполнило ее желудок. Жалость к Матильде, стоящей тут перед этим мужчинами; жалость к себе, окружённой все теми же мужчинами. Она сглотнула несколько раз прежде, чем подавить этот дискомфорт.

Матильда с ужасом перевела взгляд на Марка:

– Это не правда. – задрожали разбитые окровавленные губы.

– Что, прости? – крикнул Министр Обороны.

– Это неправда. Я и Роберт решили бороться за справедливость. Не может быть. Все что вы говорите – это ложь! Он скоро будет здесь.

– Бедная девочка, ну как же! Она не заметила, что пришла сюда, одна. – вскинул восторженно руками Абель.

– погоди, – захохотал Главный врач, – тебе кажется, что ты тут с кем-то? Вот это номер, посмотрите на нее. И с кем

же ты интересно пришла? Может со своим фанатиком Робертом?!

– Заткнитесь. Я ему сейчас позвоню, и он придет.

– Все пора с этим заканчивать. – не выдержал Министр Обороны. – Куда ты позвонишь, дура? Куда ты ему позвонишь? На тот свет? Алло, здравствуйте, а можно Роберта? – раздался смех.

Лицо Матильды посерело.

– Его уже, наверное, начали есть черви, да Марк? Когда говоришь он умер? Вчера? Хотя нет, еще рано. – Министр Обороны самодовольно обвел глазами присутствующих и остановился на Розамунд. Абель перерожден, он снова почувствовал жар разрушающей силы. Он отомстит миру – за свое детство, за неприятие, за равнодушие. За одиночество. Он пойдет на всё – будет играть в жертву, пойдет на мнимые уступки, на манипуляцию, причинит боль если надо. Министр Обороны снова посмотрел на Матильду:

– А ты не знала, что он умер? Ты забыла, девочка моя? Ну тогда я расскажу тебе. Судя по тому, что мы узнали сегодня, Роберт решил сфотографировать и освободить новичков, но его подстрелили охранники и он умер. От ушёл от тебя, а винишь ты в этом нас. – Все это доставляло ему сказочное удовольствие, сравнимо эйфории (унижать, ставить в зависимость, уничтожать). – А твоя мать? – продолжил он, уже не скрывая воодушевления. – Твоя мать покончила собой два года назад, повесившись в прихожей. Ты, наверное, об этом

тоже забыла? Тоже думаешь, что в этом мы виноваты?

От внимания Розамунд не ускользнуло изменение в ее муже – его синие горящие глаза – такие яркие и жестокие. Она увидела в них отблески отца. Голос Абея стал уверенный, она снова почувствовала в нем силу. «Мы снова будем счастливы!» – зажегся огонь в ее груди. «Мы станем править миром!» – восхищение закричало в ее глазах. Его глаза ответили ей. «Теперь мы можем вместе ненавидеть женщин» – заликовало ее подсознание.

Матильда пыталась удержать трясущуюся голову, медленно опускаясь на пол. Ей показалось, что Роберт обнял ее, встав на колени вместе с ней. Она почувствовала его дыхание, его запах. Матильда, раскачивалась взад и вперед, обхватив руками живот. Мышцы тела сводило в одной огромной судороге. Со стороны казалось, что у нее героиновая ломка. Она бредила, находясь словно в трансе.

Мимо нее пролетало детство – на розовых санках и в оранжевой шапке. Вот они с отцом ловят рыбу в тихой горной реке, где тишину нарушает лишь ее детский задорный смех. «Тише, Матильда, а то всю рыбу распугаешь», шёпотом говорит отец, а потом как закричит, поднимая голову в небо: «Ловись рыбка, большааая и маааленькая». И Матильда смеется, закатываясь от смеха. Лес смеется вместе с ними, хлопая в ладоши могучими ветвями. А вот они уже едут на велосипеде по проселочной дороге, пытаясь обогнать ско-

ростной поезд. «В следующий раз у нас обязательно получится», говорил ей отец, и она верила ему. Вдруг Матильда увидела обезображенное лицо матери и ее ноги, свисающие с лестницы. Она вспомнила свое зелено-голубое платье, как она нервно стягивает воздушную атласную ленту с головы, смотря наверх – на высунутый язык, на выпученные глаза и на мокрый пол внизу. Она не вспоминала этот день до сегодняшнего момента. Вдруг в голове заиграло видео, присланное ее отцом. «Ну вот доченька, – слышался закадровый голос. – ты не смогла приехать и решить заснять тебе похороны твоей матери.» Вот она уже сидит на полу, облокотившись спиной о кривой синий диван. Голова запрокинута назад, и Роберт, все такой же серьезный, сидит позади, и водит своими бледными, тонкими пальцами по волосам Матильды, заставляя ее сердце трепетать. Вот она уже едет по национальной трассе, как и спланировал Роберт. Им надо добраться до Министерства. Она въезжает в город. Вот девочка с огненными бровями и оторванной рукой перебегает дорогу. Тело Кристофа и его открытый глаз, смотрящий в пустоту. Вот она приходит в Министерство. «Этого не может быть, – Матильда встречает грустные глаза Филиппа, стоящего все там же – слева от Розамунд. «Этого не может быть, кричит ее мозг», и она закрывает дрожащие веки: туннель под землей, свет единственного фонаря, крысы, одиночные крики. Ее ломает в темноте, но она встает. По босым ногам бегут крысы, оставляя порезы, но она продолжает идти, справляя

нужду прямо в штаны.

– Мне очень жаль, деточка. – слышится осипший голос Федора. Его силуэт начинает исчезать в серой дымке сигарет.

Грудь Матильды сжалась словно под прессом, и она увидела Роберта. Бездыханное тело Роберта, его открытые глаза, смотрящие на ее с переднего сиденья. Она увидела в них себя: под дождем, с лопатой в руке, на опушке леса. Вот она роет могилу, утопая в грязи. Она кричит, но никого нет рядом. Ее сердце разрывается на куски, а вдали безмятежно светят огни национальной трассы. «Нет, этого не может быть» – рев вырвался из ее груди – «Роберт!» Вот она вытаскивает его из машины. Его тело теперь весит целую тонну. «Роберт, не бросай меня, ты не можешь». Вот она уже в яме, в обнимку с Робертом. Вот зайцы, стоят вокруг свежевырытой могилы, стоят и смотрят на них молчаливо. А за ними черное небо, небо полное звезд, как в тот первый день их знакомства....

Матильда набрала полную грудь воздуха. Ее лицо начало искажаться. Она снова закрыла глаза и на выдохе издала нечеловеческий крик, выламывая себе пальцы.

– Ну вот и все, думаю она больше никому не будет звонить. – Министр Обороны удовлетворительно ударил по столу правой рукой. – Побыстрее приберись в зале, Бернар – добавил он, брезгливо указывая на Матильду.

Эпилог

На одном из перекрёстков Грамиля было как всегда спокойно. Туристы, спешили в музеи, жители столицы бежали по делам, машины изредка сигналили, подрезая друг друга. Теплый осенний ветер поднимал листву на радость рассеянным и шумным школьникам, толкающимся на светофоре. Худенькая девушка в синих джинсах и в серой мужской футболке стояла в первом ряду. Из-под черной кепки торчали короткие каштановые волосы под цвет пыльным кроссовкам.

Загорелся желтый свет и темный минивэн неожиданно начал поворачивать направо. Из окна на возмущившуюся толпу посмотрели большие выпуклые глаза. Голубые пугливые глаза очень высокого человека. Человека, который когда-то занимал должность заместителя Министра Обороны.

На боковой двери минивэна светилась надпись:

Сананция 2.0 – наше безопасное будущее!